

Константин Бальмонт

ЖАР-ПТИЦА

Свирель славянина

*Народные поверья
Неполные страницы,
Разрозненные перья
От улетевшей птицы.*

*Она вот тут сидела
На камне самоцветном,
И пела здесь так смело
О сне своем заветном.*

*О том заморском крае,
Где Море с Небом слито,
Где дума, в вечном Мае,
Цветами перевита.*

*Где светов зарожденье,
Где завершенье мраков,
Где видит ум сплетение
Всего как вещей знаков.*

*Пропела, улетела,
Пред взором лишь зарница,
Лишь видишь – здесь блестела
Воистину Жар-Птица.*

ВОРОЖБА

Знак: хризолит

Хризолит, зеленоватого-золотистый,
столь великим обладает
холодом, что, приложив его к лицу,
умеряют жар горячки. От
Звезды, зовущейся Северным
Венцом, дар он этот имеет. И хорош

он, дабы прогонять видения.
Жан де ля Тай де Бондаруа

ЗАГОВОР НА ПОСАЖЕНИЕ ПЧЕЛ В УЛЕЙ

Пчелы роятся,
Пчелы плодятся,
Пчелы смирятся.
Стану я на Восток,
Свод небесный широк,
А в саду у меня тесный есть уголок.
Беру я пчелу, и в улей сажаю,
Вольную, в тесном и темном, пчелу замыкаю.
Ее, золотую, жалею,
Беседую с нею,
Любя.
Не я в этот улей сажаю тебя,
Белые звезды, и месяц двурогий,
И Солнце, что светит поляне отлогой,
Сажают тебя, укорачивают,
В улей тебя заколачивают.
Сиди же, пчела, и роись,
На округ на мой лишь садись,
И с белых, и с красных, и с синих цветов пыль собирать не ленись.
А тебя я, пчелиная матка, замыкаю на все пути,
Чтоб тебе никуда не идти,
Запираю замком,
Расставайся со днем,
Ты во тьме уж усладу себе улучи,
Под зеленый куст, в Океан я бросаю ключи.
А в зеленом кусте грозна Матка сидит,
Маткам старшая всем,
И сидит, и гудит –
Непокорную жечь! Непокорна зачем!
В луг за цветами, цветик есть ал,
Белый и синий расцвел.
Матка гудит. Семьдесят семь у ней жал,
Для непокорных пчел.
Будьте ж послушными, пчелы,
Пусть отягчится, как грозд полновесный,
Меж цветов светловольных и кельею тесной,
Рой ваш веселый.
С вами в союз я вошел,
Слово я твердо сказал,
Его повторять я не стану.
За непокорнице ж тотчас под куст, к Океану,
Там Матка старшая сидит, и семьдесят семь у ней жал,
Семьдесят семь у ней жал,
Для непокорных пчел!

ЗАГОВОР НА ЗЕЛЕНУЮ ДУБРОВУ

Я по острову хожу,
Через все леса гляжу,
По прогалинам и мракам,
По оврагам, буеракам,
Дуб, береза, липа, ель,
Ива, жимолость, и хмель,
И калина, и рябина,
И дрожащая осина.
Я по всем гляжу ветвям,
По листьям, и по цветам,
Я зову мою дубраву, –
Быть бы живу мне, здорову: –
Подступясь к ней зверь и гад,
Чтоб сейчас же шли назад,
Чтоб не шли к нам люди злые,
Ведьмы, вихри, водяные,
Чтоб в дубраве, под листвою,
Сам себе я был большой,
Чтобы листья мне, в шуршанье,
Были в тихом послушанье,
Чтобы легкий ветер к нам
Шел, танцуя, по верхам.

ЗАГОВОР ПРОТИВ ЗМЕИ

Змея-Медяница, старшая меж змей,
Зачем учиняешь изъяны, и жалишь, и жалишь людей?
Ты, с медным гореньем в глазах своих злых,
Собери всех родных и чужих,
Не делай злодейств, не чини оскорбления кровного,
Вынь жало из тела греховного,
Чтоб огонь отравы притих.
А ежели нет, – я кару придумал тебе роковую,
Тучу нашлю на тебя грозовую,
Тебя она частым камнем побьет,
Молнией туча пожжет,
Успокоишься,
От тучи нигде не укроешься,
Ни под колодой, ни под межой,
Ни на лугу, ни в поле,
Ни в темном лесу, ни за травой,
Ни в норе, ни в овраге, в подземной неволе.
Чур меня, чур!
Сниму я с тебя, Медяница, двенадцать шкур,

Все разноцветные,
Глазу заметные,
И иные, для глаз неприметные,
Тебя самое сожгу,
По чистому полю развею!
Слово мое не прейдет, горе и смерть врагу,
Слово мое как Судьба, бойся встречаться с нею!

ЗАГОВОР РАТНИКА

Под морем Хвалынским стоит медный дом,
Закован Змей огненный в доме том,
Под Змеем под огненным ключ семипудовой,
От светлого терема, с богатырской броней.
По Волге широкой, по крутым берегам,
Плывет Лебедь белая, по синим волнам,
Ту Лебедь поймаю я, схватаю ее,
Ты, Лебедь, исполни мне желанье мое.
На море Хвалынское лети поскорей,
Сделай так, чтоб заклеван был огненный Змей,
Из-под Змея достань мне ключ семипудовой,
Лети себе после на Волгу домой.
– До моря Хвалынского не мне долетать,
И Змея, что в пламени, не мне заклевать,
И мне ль дотащить ключ семипудовой,
Отпусти меня лучше за совет дорогой.
На Буяне на острове – для тебя это клад –
Ворон есть, он всем воронам старший брат,
Злою Ведьмою Киевской он посажен, – так вот,
Долетев до огнистого, Змея он заключает. –
Как мне Лебедь поведала, так я сделал, пошел,
И в лесу с злою Ведьмою я избушку нашел,
Злая Ведьма упрябилась; – Что, мол, Ворон! Что в нем!
Но сказала, помчался он, прилетел в медный дом.
Он разбил медный дом, он уважил меня,
Змея он заклевал, не страшася огня,
Он достал и принес мне ключ семипудовой,
Отпер терем я светлый, и владею броней.
В этой бранной одежде, все вперед я, вперед,
Ни стрела не достанет, ни пищаль не убьет.
Сим моим заговором оградившись, иду.
Ворон, Ворон о, Ворон, враг желанен, я жду!

ЗАГОВОР ОТ ПОГАСШИХ

Иду я в чистом поле,

На светлой вольной воле,
Навстречу мне бегут,
Свились в крученный жгут,
Семь духов с полудухами,
Все черные, все злые,
Охочие до зла.
Семь духов с полудухами,
Моя душа светла,
Все злости – мне чужие,
Что делать вместе нам?
Идите к старикам,
Со злобными старухами,
Со злобными,
Надгробными,
Бегите в старость – там,
Обширная как нива,
Всегда вам есть пожива,
Я – весны дню,
Я то люблю,
Что юно и красиво.
Подальше от меня
Погасших вы держите,
Бегите же, спешите,
Не тьме быть с светом дня,
Прочь, дальше от меня!

ЗАГОВОР ХМЕЛЯ

Хмель я, смеющийся Хмель,
Пчела прожужжит, или шмель,
Все цветет расцветающий Хмель.
Хмель я, пьяню я, и млею,
Снова, в похмелье, хмелею.
И поет, разливаясь, свирель.
Все я цвету да гуляю,
Сам я себя выхваляю: –
Нет меня, Хмеля, сильней,
Нет веселей и хмельней.
Стар меня знает и мал,
Хмеля, как вешнего Леля,
Царь не один восхвалял.
Долга без Хмеля неделя.
Меня и мудрец восхвалил,
Приумножил я мудрому сил.
Меня славословил монах
В именитых своих погребях.
Рабочий, крестьянин, солдат
Захмелеют – ой, Хмелюшко, брат!
А я их скорей на постель,

Я добрый бываю, я Хмель.
Девица ль со мной, молодица. –
Поет им любовная птица,
Войду я им в разум, пьяню,
И губы к губам я маню.
Где Хмель, – там сейчас обниматься,
Где Хмель, – там браниться и драться,
А чуть кто от Хмелю проспится, –
Мириться, и в Хмеле дружиться.
Хмеля кому же не знать, –
Велика, велика моя рать!

Был только лих на меня
Садовник, сурьезный мужик.
Вот он пришел среди дня –
Больно работать привык –
По саду ходит, гуляет,
Борозды всюду копает,
Соломою их застиляет.
Тут-то я, Хмель, загадал,
По тычиночке вверх подавался,
По тычинке легко побежал,
Над сурьезным над ним посмеялся, –
Как ударится в тын головой,
Как взмахнется да в грязь бородой.
Так-то, брат, эдак вернее,
Будешь теперь похмельнее.
Кто на Хмеля восстал, берегись: –
Сверху падают – так-таки вниз!

ЗАГОВОР ЛЮБОВНЫЙ

В чисто поле я пойду,
Речь с Ветрами поведу: –
Ветры, Вихори, скорей,
Дайте власть мечте моей,
Буйны Вихори, яруйте,
По всему вы свету дуйте,
Распалите, разожгите,
Деву красную сведите
Вы со мной,
Душа с душой,
Тело с телом,
Онемелым.
Плоть же с плотью,
Хоть же с хотью,
Поскорей,
Ветры, к радости моей.
Счастья ради, страсти ради,

День в ее зажгите взгляде,
Вы в ее мечтах повеите,
Разогрейте, разомлейте.
Вы в ее застыньте слухе,
Не сроните слов присухи
Ни на воду, ни на лес,
Ни на землю – силен Бес:
В воду сроните – вода
Вся иссохнет навсегда,
В лес – так лес шуметь не станет,
Лес засохнет, лес повянет,
А на землю – мир сгорит,
Все горя, возговорит: –
Ветры, Вихори, яруйте,
Только нам скорей задуите,
А присуху поскорей
К милой мчите, будьте с ней,
Вы снесите, положите
Этот пламень в сердце ей,
В тело белое, живое,
В сердце девы ретивое,
В хоть и плоть,
В хоть и плоть! –

В чистом поле есть криница,
В чистом поле Чаровница,
Печь горит, а на печи
Киль кипит, прядет лучи,
Киль кипит, перекипает,
Все горит, перегорает,
Сохнет, сохнет на огне, –
Так бы дева обо мне
Ретивым своим кипела,
Кровью жгучею горела,
Без меня бы не умела
Ни забыться, ни любить,
Без меня ни жить, ни быть!

ЗАГОВОР СЕМИ ВЕТРОВ

В чисто поле я пошел,
В чисто поле я пришел,
На Восток я поглядел,
На Востоке камень бел,
На Востоке камень ал,
Семь я братьев повстречал,
Семь я братьев, семь Ветров
Вопрошал напевом слов: –
Семь вы братьев, Ветров буйных,

Семь вы Ветров многоструйных,
Вы вблизи, и вы вдали,
Вы теперь куда пошли?
– Шли мы в чистые поля,
Бродим, колос шевеля,
Шли в широкие раздолья,
Шли в леса, где пни и колья,
Шли туда, где косят травы,
Рубят лес, искать забавы,
Где распахана земля,
Где в продольностях поля. –
– Вы падите, семь Ветров,
Соберите с бледных вдов
Всю их жгучую тоску,
Слез текущую реку,
За один возьмите счет
Все тоски у всех сирот,
Все их вбросьте вы в нее,
Сердце кто томит мое,
В ней зажгитесь вдвое, втрое,
Распалите ретивое,
Кровь горячую пьяня,
Чтоб возжаждала меня,
Чтоб от этой жгучей жажды
Разгорелась не однажды,
Чтобы ей неможио быть,
Без меня ни есть, ни пить,
Чтоб скучала, замечала,
Что дышать ей стало мало,
Как горящим в час беды,
Или рыбе без воды,
Чтобы бегала, искала,
Страха Божия не знала,
Не боялась ничего,
Не стыдилась никого,
И в уста бы целовала,
И руками обнимала,
И как вьется хмель средь дня,
Так вилась бы вокруг меня.

ЗАГОВОР НА ТРИДЦАТЬ ТРИ ТОСКИ

Там на море Океане,
Там на острове Буяне,
Светит камень Алатырь,
А кругом и даль и ширь.
На огне там есть доска,
На доске лежит тоска,
Не одна тоска, смотри,

Не одна, а тридцать три.
И мечутся тоски,
Кидаются тоски,
И бросаются тоски,
Вдоль дороги, вдоль реки.
Через все пути-дороги,
Через горы крутороги,
Перепутьем и путем,
Мчатся ночью, мчатся днем.
Дева смотрит вдоль реки,
Вы мечитесь к ней, тоски,
К деве киньтесь вы, тоски,
Опрокиньтесь вы, тоски,
Киньтесь в очи, бросьтесь в лик,
Чтобы мир в глазах поник,
И в сахарные уста,
Чтоб страдала красота.
Чтобы молодец был ей
Света белого милей,
Чтобы Солнце ослепил,
Чтобы Месяцем ей был.
Так, не помня ничего,
Чтоб плясала для него,
Чтобы тридцать три тоски
Были в пляске позвонки.
Чтоб кидалася она,
И металася она,
И бросалася она,
И покорна, и нежна.

ЗАГОВОР КРАСНОЙ ДЕВИЦЫ

С темной зарею, с вечерней зарею,
Спать я ложились, заря закатилась.
Было темным темно.
Вставала я с утренней красной зарею,
Умывалась я свежей водой ключевой,
Было светлым-светло.
Из двери во дверь, из ворот воротами,
Пошла я дорогой, сухими путями,
До Моря, где остров на нем.
От Моря смотрела, а Море горело,
На поле смотрела, и в поле узрела: –
Стоит Семибашенный Дом.
Пою я, и вижу под слово напева: –
Там Красная Дева, там ясная дева
На кресле сидит золотом.
Твердит заговоры, на скорби, недуги,
И стала молить я о миле, о друге.

Вошла в Семибашенный Дом.
Сердцем смирилась, до ног поклонилась,
Вот, говорю, и к Могучей явилась,
Ты мне с моим помоги.
Чарой скрути призорыки, недуги.
Злые шептанья, намеки, испуги,
Все, что готовят враги.
Все за двенадцатью спрячь ты замками,
Красная Дева, будь ласкова с нами,
В Море ключи опусти.
Белая рыбица пусть их проглотит,
Все пусть двенадцать ключей не воротит,
Дай нам любить и цвести.
С темной зарею, с вечерней зарею,
Пусть он смеется со мною одною,
Будет темным темно.
С утренней мглою, с красной зарею,
Пусть он подальше помедлит со мною,
Будет светлым-светло.

ЗАГОВОР МАТЕРИ

Разрыдалась я во тереме родительском высоком,
С красной утренней зари
В чисто поле, в тоскованье одиноком,
Все смотря, смотря, как в Небе, в тучках тают янтари,
Досиделася до поздней до вечерней я зари,
До сырой росы, в беде,
Стало ясно и звездисто, стало тихо так везде.
Не взмилилось мне о дитятке тоской себя крушить,
Гробовую я придумала тоску заговорить.
Чашу брачную взяла я, со свечою обручальной,
В чисто поле я пошла,
Я достала плат венчальный,
В студенце загарном, чистом, зачерпнув, воды взяла,
Призорочною чертою
Очертилась я в лесу,
Под Луною молодою
Я над свежею водою
Слово молвлю о дитяти, чтоб сберечь его красу.

Вот над чашей этой брачной,
Над водой ключа прозрачной,
Пред свечою обручальной,
Расстеливши плат венчальный,
Чисто личико я мою.
И свечу своей свечою,
Той единою, венчальной,
Чтоб не быть душе – печальной,

Утираю платом белым,
Завещаю: Век будь смелым,
Будь весенних дней милее,
Солнца ясного светлее,
Ненаглядный мой, любя,
Отвожу я от тебя: –
Духа страшного, седого,
Ветра, Вихоря ночного,
Домовых и водяных,
Одноглазых леших злых; –
Змея огненного знаю,
От него предохраняю,
И от Киевской от злой
Ведьмы, с Муромской сестрой; –
И от Ворона лихого,
От Кощея, и от слова
Чернокнижника-волхва,
Чьи захватисты слова; –
От русалки от моргуньи,
И от той Яги-колдуньи,
И от знахаря-слепца
Будь сохранен до конца.
Пусть в ночи и в полночи
У тебя не меркнут очи,
Пусть в дороге и пути
Знаешь ты, куда идти.
Будь сокрыт от скорби страстной,
И от смерти от напрасной,
От врагов и от беды,
От огня и от воды.
А как час твой смертный глянет,
Пусть твой разум вспомянет
Про того, в тебе чья кровь,
Про мою к тебе любовь.
Ты на родину вернися,
С кровным, с близким распростися,
И к сырой земле прильни,
Непробудным сном засни.
Слово то, что я сказала,
Живо с самого начала,
И сильнее, чем Вода,
Да пребудет навсегда.
Кто перечить мне захочет,
Кто морочит, узорочит,
Пусть узорчанье его
Возвратится на него.
Пусть в свои впадет узоры,
И за древние за горы
Пусть ведун напрасный тот
В Преисподнюю сойдет.

ЗАГОВОР ОХОТНИКА

Засветло встал я,
Лицо умывал я,
И в двери иду из дверей,
Из ворот я иду в ворота,
В чисто поле, к дремучему лесу, где между ветвей
Днем темнота.
А из лесу дремучего, темного,
Из лесу огромного,
Двадцать бегут ко мне дьяволов, сатанаилов, лесных,
И двадцать иных,
Пешие, конные, черные, белые,
Низкие,
Близкие,
Страшные видом, а сами несмелые,
Сатанаилы, и дьяволы, стали они предо мной,
На опушке лесной.
Сатанаилы, и лешие, дьяволы странные,
Низкие, близкие, темные,
Плоско-огромные,
И вы, безымянные,
Видом иные,
На остров идите,
Зверей мне гоните,
В мои западни поставные,
Ночные, вечерние, утренние,
И полуденные, и полуночные,
Идите, гоните,
Остановите,
В моих западнях примкните!

ЗАГОВОР НА УТИХАНИЕ КРОВИ

Два брата камень секут,
Где два брата, и кровь есть тут.
Две сестры в окошко глядят,
Две свекрови в воротах стоят.
Ты, свекор, воротись,
А ты, кровь, утолись.
Ты, сестра, отворотись,
А ты, кровь, уймись.
Ты, брат, смиришь,
А ты, кровь, запришь.
Кровь бежит, брат дрожит,
Брат дрожит, брат бежит,
Сестра кричит, свекор ворчит.

А это слово крепко будь,
Чтоб кровь идти забыла путь,
Чтоб кто ушел, пришел назад,
Сестра к сестре, и к брату брат.

ЗАГОВОР НА ПУТЬ-ДОРОГУ

Еду я из поля в поле, поле в поле, и луга,
Долог путь, и нет мне друга, всюду чувствую врага.
По вечерним еду зорям, и по утренней заре,
Умываюсь росой в раноутренней поре.
Утираюсь ясным солнцем, облакаюсь в облака,
Опясался звездами, и светла моя тоска.
О, светла тоска, как слезы, звездным трепетом жива,
Еду полем, в чистом поле Одолень растет трава.
Одолень-траву сорвал я, ей на сердце быть, цветы,
Сделай легкой путь-дорогу, будь подмогой мне в пути.
Одолей высоки горы, доли, топи, берега,
Темны чащи, темны думы, тайну темного врага.
Чтоб рука не поднималась, замышляющая зло,
Чтобы в совести вспененной стало тихо и светло,
Чтобы зеркалом холодным в даль душа могла взглянуть,
Чтоб с цветком, с цветком у сердца, равномерно мерить путь.

ЗАГОВОР ОТ ЧЕРНОЙ НЕМОЧИ

Птица летит за моря,
Зверь за леса убегает,
Дерево в дерево, искра в огонь ускользает, горя,
Железо в руду, свою мать, земля в Мать-Землю
Так, Черная немочь, не мучай души,
Не мучь и усталого тела, вникает, –
В черную тьму, в непроглядную Ночь поспеши,
В пропасть, где Ночь без предела.
Оставь Человека, недуг,
Уйдите, болести, хворобы,
Уныние, приступы злобы,
Все корчи, которые узят, кривят мироздания круг.
Да не будут умы как угрюмые гробы,
Свет да войдет в бытие,
Слово велико мое,
В слове моем Человек воплощает желанье свое!

ЗАГОВОР ГРОМОВ

Гром с Востока означает изобилие во всем,
Гром с Полудня – лето тепло, но созренье яблок трудно,
Гром от Запада – так лето будет скудное дождем,
Гром с Полуночи – так лето будет северно и скудно.
Гром с Полуночи – замкнись в холодном царствии своем,
Гром от Запада – слюбися с влажной тучей обоюдно,
Гром с Полудня – в честь твою мы сок из яблок винный пьем,
Гром с Востока, Гром с Полудня – гряньте в мире многочудно.

ЗАГОВОР ОТ СГЛАЗА

Бог, избавь от глаза нас,
Защити на слабый час,
Сохрани от черного,
Серо-голубого,
Ласкового, злого,
Желтого, укорного,
Синего, немого,
От зеленолистного,
Горько-ненавистного,
Лживого, завистного,
Ясного, лихого,
Женского, мужского,
И от полуночного,
От совсем бессрочного,
От непостижимого,
Нам неощутимого,
Но неотвратимого,
Бог, избавь от глаза нас,
В глазе жизнь – и смертный час.

ЗАГОВОР ПРОТИВ СМЕРТИ

Начертивши ножом
Круговую черту,
Углем ее обведя,
И зажженной лучиной как глазом змеиным глядя,
В полночасье ночном,
И зажженной лучиной, сосновой, отрезанный круг свой свята,
Озаряя свою круговую черту,
Я в молчанье узоры заклятья, узоры проклятья плету.
Смерть заклинаю, – не белую, – черную,
Желтую, серую, красную,
Смерть я зову, отвергаю,

Зарок налагаю
На рабыню подвластную,
Смерть, уходи.
В сказку мою, в сказку жизни узорную,
Смерть, не гляди,
Смерть заклинаю я красную,
От убийства, бесчасную,
Смерть заклинаю я черную,
От бесчестья, позорную,
Смерть заклинаю я желтую, Смерть пожелтевшую,
С жизнью живущую, с жизнью от лет ослабевшею,
Смерть, заклинаю ползучую, серую,
Мутною тучей встающую,
Чтоб закрыть, заслонить Красоту с жизнелюбящей верою,
Серо-гнетущую,
Самую тяжкую, самую в жизнях обычную,
Соки в расцветностях пьющую,
Тяжесть кошмарных повторностей, тускло растущую,
С силой дневной, ежедневной, недельной, годичною,
В плоскости все забывающей, краски стирающей,
Счета не знающей,
Счета не знающей,
Незнакомой с какой бы то ни было мерою,
Смерть заклинаю я серую, —
Чтоб в сад мой, в расцветной различности дней,
Когда я прослушаю песнь полнозвонности,
Когда охвачу все пределы я, —
В своей непреклонности,
В освежительной силе своей,
Пришла ко мне, белая, белая,
Та, в нагорной одежде, что Смертью зовется, равно, меж людей,
Но кого я Свободой, и Новою Жизнью зову в многострунностях песни моей.

ЗАГОВОР ОТ МЕТАЛЛОВ И СТРЕЛ

За горами за дольными
Там Небо беззвездное,
За горами за дольными
Есть Море железное.
Путь в Море бесследный,
Есть в Море столб медный,
На столбе том чугунный Пастух,
От всех он живых вдали,
До Неба тот столб от Земли,
На Восток и на Запад чугунный Пастух
Говорит, размышляя вслух.
У того Пастуха убедителен вид,
Он, заповедуя, детям своим говорит: —
Железу, булату, синему, красному,

Меди и стали,
Свинцу,
Серебру, золоту, ценному камню прекрасному,
Стрелам и пищали,
Борцам заурядным, кулачным, и чудо-борцу,
Великий дает им завет: –
Вы все, увидавшие свет,
Железо, камень, свинец,
Другие металлы, узнайте теперь свой конец,
В мать свою Землю сокройтесь, в глубины
Молчанья великого,
В безгласную Ночь,
От лица светлоликого
Прочь!
Пищалам, кинжалу, ножу, топору
Кровавую кончить игру,
Пусть на луке застынет навек тетива.
Крепче кольчуги и тверже булата
Воля, что сжата
В эти слова,
Я их замыкаю замками, и ключ
Бросаю под Камень горюч,
На дно,
В железное Море. Да будет отныне решение мое свершено!

ЗЫБИ ГЛУБИННЫЕ

Знак: горный хрусталь

Солнечный свет, проходя через
горный хрусталь, зажигает
огонь, который издревле зовется
священным огнем.
Орфей

МЕЖДУ ОГНЕМ И ВОДОЙ

Море с Землей говорило:
В ком из нас наибольшая сила?
Земля отвечала вулканом: Во мне.
Но хохот раздался в морской глубине.
Земля обожгла все приморские страны,
Но в Море подводные вскрылись вулканы,
В огне.
И в Мексике есть не один Геркуланум,
Но свел ли кто счет всем потопленным странам,

На дне?

Море с Землей говорило:
Что же, в ком наибольшая сила?
Земля отвечала чуть слышно: Во мне.
И цветок в предвечерней расцвел тишине.
Море цветка не достало,
Но верить в победу земную не стало.
И тучку родила морская вода,
И в тучке жемчужная светит звезда.
В начале времен

В НАЧАЛЕ ВРЕМЕНИ

Славянское сказание

Везде было только лишь Небо да Море.
Лишь дали морские, лишь дали морские, да светлый бездонный вокруг них небосклон.
В начале времен
Бог плавал в ладье, в неприютном, в безбрежном просторе,
И было повсюду лишь Небо да Море.
Ни леса, ни травки, ни гор, ни полей,
Ни блеска очей, Мир – без снов, и ничей.
Бог плавал, и видит – густая великая пена,
Там Кто-то лежит.
Тот Кто-то неведомый тайну в себе сторожит,
Название тайной мечты – Перемена,
Не видно ее никому,
В немой сокровенности – действенно-страшная сила,
По Морю и Небу значение пены в то время невидимо было.
Бог видит Кого-то, и лодку направил к нему.
Неведомый смотрит из пены, как будто бы что заприметил.
«Ты кто?» – вопрошает Господь,
Причудливо этот безвестный ответил: –
«Есть Плоть, надлежащая Духу, и Дух, устремившийся
Кто я, расскажу. Но начально
Возьми меня в лодку свою».
Бог молвил: «Иди». И протяжно затем, и печально, в Плоть.
Как будто бы издали голос раздался вступившего с Богом в ладью: –
«Я Дьявол». – И молча те двое поплыли,
В своей изначальной столь разнствуя силе.
Весло, разрезая, дробило струю.
Те двое, те двое.
Кругом – только Небо да Море, лишь Море да Небо немое.
И Дьявол сказал: «Хорошо если б твердая встала Земля,
Чтоб было нам где отдохнуть». И веслом шевеля,
Бог вымолвил: «Будет. На дно опустишь ты морское,
Пригоршню песку набери там во имя мое,
Сюда принеси, это будет Земля, Бытие».

Так сказал, и умолк в совершенном покое.
А Дьявол спустился до дна,
И в Море глубоком,
Сверкнувши в низинах тревожным возжаждавшим оком,
Две горсти песку он собрал, но во имя свое, Сатана.
Он выплыл ликуя, играя,
Взглянул – ни песчинки в руке,
Взглянул, подивился – свод Неба пред этим сиял и синел вдалеке,
Теперь – отодвинулась вдвое и втрое над ним высота голубая.
Он снова к низинам нырнул.
Впервые на Море был бешеный гул,
И Небо содвинулось, дальше еще отступая,
Как будто хотело сокрыться в бездонностях, прочь.
Приблизилась первая Ночь.
Вот Дьявол опять показался. Шумней он дышал и свободней.
В руке золотились зерна песку,
Из бездны взнесенные ввысь, во имя десницы Господней.
Из каждой песчинки – Земли создалось по куску.
И было Земли ровно столько, как нужно,
Чтоб рядом улечься обоим им дружно.
Легли.
К Востоку один, и на Запад другой.
Несчетные звезды возникли вдали,
Над бездной морской,
Жемчужно.
Был странен, нежданен во влажностях гул.
Бог спал, но не Дьявол. Бог крепко заснул.
И стал его Темный толкать потихоньку,
Толкать полегоньку,
Чтоб в Море упал он, чтоб в Бездне Господь потонул.
Толкнет – а Земля на Востоке все шире,
На Запад толкнет – удлинилась Земля,
На Юг и на Север – мелькнули поля,
Все ярче созвездья в раздвинутом Мире,
Все шире на Море ночная Земля.
Все больше, грознее. Гудят водопады.
Чернеют провалы разорванных гор.
Где ж Бог? Он меж звезд, там, где звезд мириады!
И враг ему Дьявол с тех пор.

ГЛУБИННАЯ КНИГА

Восходила от Востока туча сильная, гремучая,
Туча грозная, великая, как жизнь людская – длинная,
Выпадала вместе с громом Книга Праотцев могучая,
Книга – Исповедь Глубинная,
Тучей брошенная к нам,
Растянулась, распростерлась по равнинам, по горам.
Долины та Книга будет – описать ее нельзя,

Поперечина – померяй, истомит тебя стезя,
Буквы, строки – чащи леса, расцвеченные кусты,
Эта Книга – из глубинной беспричинной высоты.
К этой Книге ко божественной,
В день великий, в час торжественный,
Соходились сорок мудрых и царей,
Сорок мудрых, и несчетность разномыслящих людей.
Царь Всеслав до этой Книги доступается,
С ним ведун-певец подходит Светловзор,
Перед ними эта Книга разгибается,
И глубинное писанье расцвечается,
Но не полно означается узор.
Велика та Книга – взять так не поднять ее,
А хотя бы и поднять – так не сдержать ее,
А ходить по ней – не выходить картинную,
А читать ее – прочесть ли тьму глубинную.
Но ведун подходит к Книге, Светловзор,
И подходит царь Всеслав, всепобедительный,
Дух у них, как и у всех, в телесный скрыт цветной убор,
Но другим всем не в пример горит в них свет нездешний, длительный.
Царь Славянский вопрошает, отвечает Светловзор.
«Отчего у нас зачался белый вольный свет,
Но доселе, в долги годы, в людях света нет?
Отчего у нас горит Солнце красное?
Месяц светел серебрит Небо ясное?
Отчего сияют ночью звезды дружные,
А при звездах все ж глубоки ночи темные?
Зори утренни, вечерние – жемчужные?
Дробен дождик, ветры буйные – бездомные?
Отчего у нас ум-разум, помышления?
Мир-народ, как Море, сумрачный всегда?
Отчего всей нашей жизни есть кружение?
Наши кости, наше тело, кровь-руда?»
И ведун со взором светлым тяжело дышал,
Перед Книгою Глубинной он ответ царю держал.

«Белый свет у нас зачался от хотенья Божества,
От великого всемирного Воления.
Люди ж темны оттого, что воля света в них мертва,
Не хотят в душе расслышать вечность пения.
Солнце красное – от Божьего пресветлого лица,
Месяц светел – от Божественной серебряной мечты,
Звезды частые – от риз его, что блещут без конца,
Ночи темные – от Божьих дум, от Божьей темноты.
Зори утренние, вечерние – от Божьих жгучих глаз,
Дробен дождик – от великих, от повторных слез его,
Буйны ветры оттого, что есть у Бога вещей час,
Неизбежный час великого скитанья для него.
Разум наш и помышленья – от высоких облаков,
Мир-народ – от тени Бога, светотень живет всегда,
Нет конца и нет начала – оттого наш круг веков,
Камень, Море – наши кости, наше тело, кровь-руда».

И Всеслав, желаньем властвовать и знать всегда томим,
Светловзора вопрошал еще, была беседа длинная.
Книгу Бездны, в чьи листы мы каждый день и час глядим,
Он сполна хотел прочесть, забыл, что Бездна – внепричинная,
И на вечность, на одну из многих вечностей, пред ним
Заперлась, хотя и светит, Книга-Исповедь Глубинная.

МОРЕ ВСЕХ МОРЕЙ

К литургии шел сильный царь Волот,
Все прослушал он, во дворец идет.
Но вопрос в душе не один горит.
Говорит с ним царь, мудрый царь Давид.
«Ты уж спрашивай, сильный царь Волот,
На любой вопрос ум ответ найдет».
И беседа шла от царя к царю.
Так приводит ночь для людей зарю. –
«Где начало дней? Где всех дней конец?
Городам какой город есть отец?
Кое древо – мать всем древам земным?
Кою травам мать мы определим?
И какой старшой камень меж камней?
Птица между птиц? Зверь между зверей?
Рыба между рыб? Озеро озер?
Море всех морей? Всех степей простор?»
Так-то вопрошал сильный царь Волот,
Мудрый царь Давид речь в ответ ведет. –
«Где начало дней, там и дней конец,
Их связал в одно вышний наш Отец.
Свет идет во тьму, тьма ведет во свет,
Большее понять – разума в нас нет.
Город городов – строится в умах,
Радость в нем – свеча, свет во всех домах,
Там сады для всех, все цветы есть в нем,
Водоемы бьют, с башней каждый дом.
Кипарис есть мать всем древам земным,
Кипарис родит благовонный дым,
В час, как дух у нас посвящен мольбам,
Фимиам его дышит в храмах нам.
А всем травам мать есть плакун-трава,
Потому что грусть в ней всегда жива,
И приходит год, и уходит год,
А в плакун-траве все слеза цветет.
Камень камням всем – огневой рубин,
В нем святая кровь, в нем пожар глубин,
Перед тем как новь распахать для нас,
Нужно сжечь леса в самый жаркий час.
Птица птицам всем есть морской Стратим,

Взор его – огонь, а перо – как дым,
Он крылом своим обнимает мир,
Всех живых зовет на всемирный пир.
Зверь зверей земных есть единорог,
На скрещенье он всех земных дорог,
И куда нейти, все придешь к нему,
И узнаешь свет, миновавши тьму.
Рыба между рыб кит есть исполин,
Возлюбивший ночь и испод глубин,
Двух сынов родил исполинский кит,
И на них на трех весь наш мир стоит.
Озеро – отец всех земных озер –
Есть зеркальный круг между снежных гор.
Кто на высь взойдет, глянет в тот затон,
Весь увидит мир как единый сон.
Степь степей земных, Море всех морей –
В помыслах людских, в сердце у людей,
Кто в зеркальный круг заглянул в мечте,
Вечно он в степи, в Море, в Красоте».

ВИДЕНИЕ ЦАРЯ ВОЛОТА

Был велик тот день, и светла заря,
Как сошлись у нас сорок два царя.
Всех могуче был светлый царь Волот,
А вторым за ним царь Давид идет.
И сказал Волот: «Ой цари людей!
Что вам виделось в темноте ночей?
Вы поведайте, чем ваш сон живет?» –
Но молчат цари. И рече Волот: –
«А мне снилось, и таков мой сон.
Будто свет горит нам со всех сторон,
От Востока встал, и зажег весну,
Светорусскую озарил страну.
И с полуденной стороны, светло,
Древо-золото до Небес возшло,
А на дереве кречет-бел сидит,
А в ногах его позвонок звенит.
Кто из вас, цари, изъяснит мне сон?» –
И сказал Давид, был он царь учен: –
«Государь ты наш, первый царь Волот,
Сон твой сбудется, сон твой жизни ждет.
Солнца красный свет, алый луч весны –
То начальный Град для родной страны.
Светорусская возгорит земля,
Кровью вскормятся все луга-поля.
Как восточные облака горят,
Городам земным вспыхнет первый Град,
Светорусский Град, где не будет тьмы,

Где блеснут сердца, возгорят умы,
Древо-золото – тех умов оплот,
Тех сердец расцвет, что светло цветет.
Кречет-бел на нем – белизна души,
Позвонок всем нам говорит: Спеши,
Поспешите все, всех зовет тот звон,
В нас да сбудется златоцветный сон».
И задумались сорок два царя,
И раскинулась широко заря,
И светло горит первый царь Волот,
И во все края жаркий свет идет.

ТРИ НЕБА

Три Неба ведали прапрадеды мои,
Индийцы, слившие лукавый ум Змеи
С великой кротостью в превратном бытии.

И Небо первое сияет белизной,
Второе – синею недвижною волной,
А третье – золотом, бессмертьем, глубиной.

По Небу первому проходят облака,
По Небу синему в моря идут века,
Даль Неба вечного для слова высока.

Мы млеком облачным питаем детский глаз,
Лазурь застывшая усталых нежит нас,
А свет бессмертия целует в смертный час.

И если золото бездонной высоты
Неописуемо в словах людской мечты,
Все ж сердцу ведомо, что там цветут цветы.

Асватта-дерево, основа всех миров,
Растет развесисто, не ведая ветров,
Кругом Вселенная – один безмерный ров.

С Асватты капает амрита, свежий мед,
В зеленых вечностях целебность трав цветет,
И солнца новые здесь зачинают ход.

Две птицы вещие сидят вверху всегда,
Одна из них клюет румяный цвет плода.
Другую разглядеть нельзя нам. Никогда.

ЧЕРНОБЫЛЬ

Шел наймит в степи широкой,
Видит чудо: Стая змей
Собралась, свилась, как лента, как дракон зеленоокий,
В круг сложилась океанский переливчатых огней,
В средоточье, на свирели, колдовал им чародей.
И наймит, поверя чуду, что сверталось воочью,
Подошел к свирели звонкой, к змеевому средоточью,
К чаровавшему, в безбрежном, степь и воздух, колдуну.
Змеи искрились, свивались,
Звуки флейты раздавались,
Цепи дня позабывались,
Сон слагался, утончая длинно-светлую струну.
И наймит, хотя был темным,
И несведущим в вещах,
Увидал себя в огромном
Море, Море всеедином, слившем день и ночь в волнах.
И наймиту чудно стало,
Умножались чудеса.
Степь сияньем изумрудным говорила, гул рождала,
И от травки к каждой травке возникали голоса.
И одна из трав шептала, как быть вольным от болести,
И другая говорила, как всегда быть молодым,
Как любить и быть любимым, как избегнуть лютой мести,
И еще, еще, и много, возникали тайновести.
И всходил как будто к Небу изумрудно-светлый дым.
В скудном сердце у наймита
Было радостно-легко.
Океанское раздолье было счастьем повито,
И певучий звук свирели разносился далеко.
Так бы вечно продолжалось, счастье видится воочью
Подходящим в звуках песни к змеевому средоточью,
Да на грех наймит склонился, вырвал стебель чернобыль,
Приложил к губам тот стебель – и внезапно все сокрылось,
И наймит лишь степь увидел – лишь в степи пред ним крутилась,
И, кружась, уносилась та же, та же, та же пыль.

НАВАЖДЕНИЕ

Владимирское предание

Жил старик со старухой, и был у них сын,
Но мать прокляла его в чреве.
Дьявол часто бывает над нашею волей сполна властелин,
А женщина, сына проклявшая,
Силу слова не знавшая,
Часто бывала в слепящем сознание гнев.
Если Дьявол попутал, лишь Бог тут поможет один.

Сын все же у этой безумной родился,
Вырос большой, и женился.
Но он не был как все, в дни когда он был мал.
Правда, шутил он, играл, веселился,
Но минутами слишком задумчив бывал.
Он не был как все, в день когда он женился.
Правда, весь светлый он был под венцом,
Но что-то в нем есть нелюдское – мать говорила с отцом.
И точно, жену он любил, с ней он спал,
Ласково с ней говорил,
Да, любил,
И любился,
Только по свадьбе-то вскорости вдруг он без вести пропал.
Искали его, и молебны служили,
Нет его, словно он в воду упал.
Дни миновали, и месяцы смену времен сторожили,
Меняли одежду лесов и долин.
Где он? Нечистой то ведомо силе.
И если Дьявол попутал, тут Бог лишь поможет один.

В дремучем лесу стояла сторожка.
Зашел ночевать туда нищий старик,
Чтоб в лачуге пустой отдохнуть хоть немножко,
Хоть на час, хоть на миг.
Лег он на печку. Вдруг конский послышался топот.
Ближе. Вот кто-то слезает с коня.
В сторожку вошел. Помолится. И слышится жалостный шепот:
«Бог суди мою матушку – прокляла до рожденья меня!»
Удаляется.
Утром нищий в деревню пришел, к старику со старухой на двор.
«Уж не ваш ли сынок», говорит, «объявляется?»
И старик собрался на дозор,
На разведку он в лес отправляется.
За печкой, в сторожке, он спрятался, ждет.
Снова неведомый кто-то в сторожку идет.
Молится. Сетует. Молится. Шепчет. Дрожит, как виденье.
«Бог суди мою мать, что меня прокляла до рожденья!»
Сына старик узнает.
Выскочил он. «Уж теперь от тебя не отстану!»
Насилу тебя я нашел. Мой сынок! Ах, сынок!» говорит.
Станный у сына безмолвного вид.
Молча глядит на отца. Ждет. «Ну, пойдем». И выходят навстречу туману,
Теплому, зимнему, первому в зимней ночи пред весной.
Сын говорит: «Ты пришел? Так за мной!»
Сел на коня, и поехал куда-то.
И тем же отец поспешает путем.
Прорубь пред ними, он в прорубь с конем,
Так и пропал, без возврата,
Там, где-то там, в глубине.
Старик постоял-постоял возле проруби, тускло мерцавшей при мартовской желтой Луне.
Домой воротился.
Говорит помертвевшей жене:

«Сына сыскал я, да выручить трудно, наш сын подо льдом очутился.
Живет он в воде, между льдин.
Что нам поделать? Раз Дьявол попутал, тут Бог лишь поможет один».

Ночь наступила другая.

В полночь, в лесную сторожку старуха, вздыхая, пошла.
Вьюга свистела в лесу, не смолкая,
Вьюга была и сердита и зла,
Плакалась, точно у ней – и у ней – есть на сердце кручина.
Спряталась мать, поджидает, – увидит ли сына.
Снова и снова. Сошел он с коня.
Снова и снова молился с тоскою.
«Мать, почему ж прокляла ты меня?»
Снова копыто, подковой звеня,
Мерно стучит над замерзшей рекою.
Искрятся блески на льду.
«Так. Ты пришла. Так иди же за мною».
«Сын мой, иду!»
Прорубь страшна. Конь со всадником скрылся.
Мартовский месяц в высотах светился.
Мать содрогнулась над прорубью. Стынет. Горит как в бреду.
«Сын мой, иду!» Но какою-то силой
Словно отброшена, вьюжной дорогою к дому идет.
Месяц зловещий над влажной разъятой могилой
Золотом матовым красит студености вод.
Призрак! Какую-то душу когда-то с любовью ты назвал здесь милой!
Третья приблизилась полночь. Кто третий к сторожке идет?
Мать ли опять? Или, может, какая старуха святая?
Старый ли снова отец?
Нет, наконец,
Это жена молодая,
Раньше пошла бы – не смела, ждала
Старших, черед соблюдая.
Ночь молчала, светла,
С Месяцем порванным, словно глядящим,
Вниз, к этим снежно-белеющим чащам.
Топот. О, топот! Весь мир пробужден
Этой звенящей подковой!
Он! Неужели же он!
«Милый! Желанный! Мой прежний! Мой новый!»
«Милая, ты?» – «Я, желанный!» – «За мной!»
«Всюду!» – «Так в прорубь». – «Конечно, родной!
В рай или в ад, но с тобою.
О, не с чужими людьми!»
«Падай же в воду, а крест свойними».
Месяц был весь золотой над пустыней Небес голубою.
В бездне глубокой, в подводном дворце, очутились и муж и жена.
Прорубь высоко-высоко сияет, как будто венец. И душе поневоле
Жутко и сладко. На ледяном престоле
Светлый пред ними сидит Сатана.
Призраки возле различные светятся зыбкой и бледной толпою.

«Кто здесь с тобою?»
«Любовь. Мой закон».
«Если закон, так изыди с ним вон.
Нам нарушать невозможно закона».

В это мгновение, в музыке звона,
В гуле весенних ликующих сил,
Льды разломались.
Мартовский Месяц победно светил.
Милый и милая вместе вверху очутились.
Звезды отдельные в небе над ними светились,
Словно мерцанья церковных кадил.
Веяло теплой весною.
Звоны и всплески неслись от расторгнутых льдин.
«О, наконец я с тобой!» – «Наконец ты со мною!»
Если попутает Дьявол, так Бог лишь поможет один.

ТАЙНА СЫНА И МАТЕРИ

Тайной скрыты все рожденья,
Тайной скрыта наша смерть.
Бог, спаси от искушенья,
И возьми нас после смерти в голубую твердь.

Вот, выходит мать из терема, и вся она – кручина,
Черным шелком обвила она дитя, родного сына,
Положила на кораблик, и пустила на Дунай.
«Уплывай, судьба, в безвестность. Горе! Дитяtko, прощай».
Чтобы страшного избегнуть, по волнам дитя пустила,
Обливаясь горячими слезами, говорила: –
«Ах, ты тихий Дунай,
Ты сыночка принимай,
Ты кораблик этот новый потихоньку колыхай.
А ты, быстрая вода,
Будь ему сестрой всегда.
А ты, желтый песок,
Береги его, как золото не раз ты уберег.
Вы, леса, вы не шумите,
Мово сына не будите».
Плачет мать. И будет плакать. Жаль ребенка своего.
Страшный рок ей был предсказан. Ускользнет ли от него?
Двадцать лет прошло, неполностью. До тихого Дуная
За водой вдова из терема выходит молодая.
Пристает корабль, на палубе красивый молодец,
Он рекой, лесами выхолен, зовут его Донец.
«Эй пригожая вдова, куда идешь ты?» – «За водою».
«Любишь ты Донца, скажи мне? Обвенчаешься со мною?»
«Я люблю Донца, красив он. Обвенчаюся с Донцом».
Вот сидят. Вино и мед тут. Были, были под венцом.

То, что тайно, станет явно. Незабвенные есть знаки.
Горек мед, вино не пьяно. Боль огнем горит во мраке.
«Что же это? Как же это? Как же быть на свете нам?
Мать, поди и утопись. Я же в лес пойду к зверям».

Полно, темные. Постойте, сердцу больно.
Нет вины на вас, когда вина невольна.
Если страшное вам было суждено,
Помолитесь, канет темное на дно.
А Дунай течет, до Моря убегая,
И Дунаю мать родная – глубь морская.
Из морей река по капле собралась,
До морей идут все реки в должный час.

Ах, Дунай ты, Дунай,
Ты меня не потопляй,
Плачу я, мое ты горе потихонечку качай.
А ты, светлая вода,
Будь душе сестрой всегда.
А ты, желтый песок,
Золотись в свой должный срок.
А вы, темные леса,
Вы шумите, говорите, ухожу я в Небеса.
Всем они открыты нам,
Есть скончанье всем путям.
Мир, прощай.
Ах, Дунай ты, Дунай, тихий плещущий Дунай!

ГОРЕ

В воскресенье матушка замуж отдала,
В понедельник Горе привязалось к ней.
«Ты скажи мне, матушка, как избежать зла?
Горе привязалось, помоги скорей.
Я от Горя спрячуся в темные леса,
Там поют привольные птичьи голоса».
Горе вслед бежит за ней, Горе говорит:
«Лес срублю, тебя найду. Чу, как лес шумит».
«Ты скажи мне, матушка, мне куда идти?
Может, я в полях смогу свой уют найти?»
Горе вслед идет за ней, Горе говорит:
«Все поля серпом прижну, рожь не защитит».
«Ты скажи мне, матушка, где укрыться мне?
Я пойду в зеленый луг, он цветет во сне».
Горе вслед идет за ней, Горе говорит:
«Я скошу зеленый луг, луг изменит вид».
«Ты скажи мне, матушка, как развеять тьму?
В терем я высок пойду, спрячусь в терему».
Горе вслед идет за ней, Горе говорит:

«Терем я высок зажгу, терем твой сгорит».
«Ты скажи мне, матушка, где же скрыться мне?
В горы я круты пойду, скроюсь в вышине».
Горе вслед идет за ней, Горе говорит:
«Я червем совьюсь, не тверд пред червем гранит».
«Ты скажи мне, матушка, где же отдых мне?
В землю я сыру пойду, скроюсь в глубине».
Горе вслед идет за ней, заступом стучит,
Стало, рассмеялся, роет, говорит:
«Дочь моя родимая, я тебе ведь мать,
Ты сумела, доченька, горе горевать».

ДОБРЫНЯ И СМЕРТЬ

Поехал Добрыня в домашнюю сторону. Закручинился. Хочет домой.
Попадалася Смерть на дороге престрашная. Говорит, покачивая головой: –
«Полно ездить по свету, и крови лить напрасную, кровь невинную в мир струить».
А Добрыня ей: «Ты-то кто? Царь ли, царевич ли? Иль изволишь ты витязем быть?»
Отвечает ему: «Я не царь, не царевич я, и не витязь. Я страшная Смерть».
«Ай ты страшная Смерть, как мечом я взмахну своим, твою голову вскину на твердь!»
«Эй Добрыня, поспей с белым светом проститися, выну пилья, засветят, звеня,
Подсеку, эти пилья – невиданно-острые, подсеку, упадешь ты с коня».
Тут взмолился Добрыня: «Ой Смерть ты престрашная! Дай мне сроку на год и на два,
За грехи попроситься, за силу убитую, и о крови промолвить слова».
«Я не дам тебе воли на час на единственный». – «Дай же сроку на этот лишь час».
«На минуту одну, на минуту не дам его». – И минута иная зажглась.
Подсекла она молодца страшными пильями, и еще, и еще подсекала.
И упал тут Добрыня с коня изумленного. И душа из Добрыни ушла.

СТИХ О ГОРЕ

Отчего ты, Горе, зародилось?
Зародилось Горе от земли сырой,
Из-под камня серого явилось,
Под ракитой спало под сухой.
Встало Горе, в лапти приобулося,
И в рогожку Горе приделосся,
Повязалось льком, усмехнулося,
И близ добра молодца уселосся.
Смотрит, видит молодец: не скроешься.
Серым зайцем в поле устремляется.
«Стой, стой», тут Горе усмехается,
«В западне моей», мол, «успокойсья».
Да, не так легко от Горя скроешься.
Он в реку уходит рыбой-щукою.
«Будет невод молодцу наукою,

В частой сети скоро успокоишься».
Смотрит, видит молодец: не скроешься.
В лихорадку он, да во постелюшку.
«Полежи, ты день лежи, неделюшку,
Полежишь в горячке, успокоишься».
Смотрит, что ж, и в бреде не укроешься?
Застонал тут молодец в лихой тоске.
Знать, один есть отдых – в гробовой доске.
Горе заступ взяло: «Успокоишься».
Жизнь возникла, жизнь в земле сокрылася.
Тут и все. А Горе усмехается.
Из-под камня серого родилось.
Снова к камню серому склоняется.

СТИХ ПРО ОНИКУ ВОИНА

Это было в оно время, по ту сторону времен.
Жил Оника, супротивника себе не ведал он,
Что хотелось ему, то и деялось,
И всегда во всем душа его надеялась.
Так вот раз и обседлал он богатырского коня,
Выезжает в чисто поле пышноликое,
Ужаснулся, видит, стречу, словно сон средь бела дня,
Не идет – не едет чудо, надвигается великое.
Голова у чуда-дива человеческая,
Вся повадки, постать-стать как будто жреческая,
А и тулово у чуда-то звериное,
Сильны ноги, и копыто лошадиное.
Стал Оника к чуду речь держать, и чудо вопрошать:
«Кто ты? Царь или царевич? Или как тебя назвать?»
Колыхнулася поближе тень ужасная,
Словно туча тут повеяла холодная:
«Не царевич я, не царь, я Смерть прекрасная,
Беспосульная, бесстрастная, безродная.
За тобою». – Тут он силою булатною
Замахнулся, и на Смерть заносит меч,
Отлетел удар дорогою обратною,
Меч упал, и силы нет в размахе плеч.
«Дай мне сроку на три года, Смерть прекрасная»,
Со слезами тут взмолился Воин к ней.
«На три месяца, три дня» – мольба напрасная –
«Три минутки». – Счет составлен, роспись дней.
Больше нет ни лет, ни месяцев, ни времени,
Ни минутки, чтоб другой наряд надеть.
Будет. Пал Оника Воин с гулом бремени.
Пал с коня. Ему мы будем память петь.

ОТЧЕГО ПЕРЕВЕЛИСЬ ВИТЯЗИ НА РУСИ

То не ветры в Небе слетались,
То не тучи в Небе сходились,
Наши витязи в бой собирались,
Наши витязи с недругом бились.
Как со всею-то волей охотною
Развернули размашистость рьяную,
Потоптали дружину несчетную,
Порубили всю силу поганую.
Стали витязи тут похваляться,
Неразумно в победе смеяться,
Что, мол, плечи могутны все биться хотят,
Кони добрые не уходились,
И мечи-то их не притупились,
Нам нездешнюю силу давай, говорят,
И с нездешнею силой мы справимся,
Да и так ли мы с ней позабавимся.
Только слово такое промолвил один,
Как явились двое воителей,
Только двое, не полчище вражьих дружин,
Но воителей, не говорителей.
И воскликнули: «Вступимте, витязи, в бой,
Пусть вас семеро, нас только двое».
Не узнали воителей витязи, в этой минуте слепой,
Разгорелось сердце в груди ретивое,
Жажда биться – в крови горяча.
Налетел тут один на воителей, светят глаза огневые,
Разрубил пополам их, с плеча,
Стало четверо их, все четыре – живые.
Налетел тут другой, и испробовал силу меча,
Разрубил пополам, стало восьмеро их, все – живые.
Налетает тут третий, и очи горят огневые,
Разрубил пополам молодецким ударом с плеча,
Стало вдвое их больше, идут, все идут, все – живые.
Тут все витязи бросились эту дружину рубить,
Размахнутся – где недруги, вдвое им быть,
Надвигаются, грозно-немые.
И безвестная сила растет и растет,
Все на витязей с боем идет.
И не столько уж витязя борются тут,
Как их добрые кони копытами бьют.
А безвестная рать все растет и растет,
Все на бьющихся витязей с боем идет.
Разрастаются силы, и грозны, и жутки.
Бились витязи ровно три дня, три часа, три минутки.
Намахались плечи могутные их,
Притупились мечи их булатные,
Уходились кони в разбегах своих,
Утомили удары возвратные.
А безвестная рать все растет и растет,

Все на бьющихся витязей с боем идет.
Испугались бойцы тут могучие,
Побежали к горам.
Побежали к пещерам, к ущельям, где чащи дремучия,
Подбежит один витязь к горе – и останется там,
Каменеет,
Подбегает другой – и, как камень, причтется к камням,
Третий, все, – подбежит изумленный – немеет.
С этих пор на Руси уже более витязей нет,
С этих пор в сумрак гор углубиться не всякий посмеет,
Странен глыб их узор, и таинственный свет
Над провалами часто белеет.

ЗАГАДКА

Что без крыл летит?
Что без ног бежит?
Без огня горит?
И без ран болит?
Ветры буйные,
Туча грозная,
Солнце ясное,
Сердце страстное.
Ветры вольные,
Тучи черные,
Солнце красное,
Сердце страстное.

Что, без крыл летя,
Без огня светя,
Всех громов сильнее,
Всяких ран больней?
О, не буйные
Ветры с тучами,
И не ясное
Солнце красное.
О, не буйные
Ветры с тучами, –
Сердце страстное,
В бурях властное.

ТРИ СЕСТРЫ

Были когда-то три страстные,
Были три вещей Сестры.
Старшую звали Ласкавицей,

Среднюю звали Плясавицей,
Младшую звали Летавицей,
Жили они для игры.
Жили они для веселия,
Взять, заласкать, заплясать.
Что ж, говорят, в самом деле я
Сердце-то буду вязать?
Так говорили. И с каждою
То же все было одно:
Взманят, замучают жаждою,
Бросят на самое дно.
Ум заласкает Ласкавица,
Пляской закружит Плясавица,
В лете, в полете Летавица
Души закрутит в звено.
Но от игранья беспечного
Рок им велел отойти.
В Небе, у самого Млечного,
В Вечность потока, Пути,
Светят три звездочки малые,
Век им быть в месте одном,
Вечно они запоздалые,
Возле Пути, но не в нем.
Звезды дорогою Млечною
Быстро бегут и бегут,
В новую жизнь, бесконечную,
Эти же вечно все тут.
Светятся Сестры – Красавицы,
Да, но на месте одном,
В собственной сети Лукавицы,
Возле Пути, но не в нем.

НЕЖНЫЕ ЗОРИ

Близ потока могучего звезд,
Разметавшихся в Небе как мост,
Что до Вечности тянется в Море.
Возле млечных сияний пути,
Где приходится мертвым идти,
Светят звездочки – Девичьи Зори.
Эти звездочки светят для глаз
Не минуто, не год, и не час,
Нет, все время, покуда есть очи.
И не млечный, не белый в них свет,
И не мертвым дорога он, нет,
Хоть и мертвому путь с ним короче.
Изумрудным и алым огнем,
Голубым и опаловым сном,
В Мире – мир, эти звездочки в Море.

И они никуда не ведут.
Но, коль нежен ты, вот, они тут,
Эти вольные Девичьи Зори.

ЧЕТЫРЕ ИСТОЧНИКА

В некоем крае, блестящими богатом,
Протекает шесть и шесть ключей,
Млеком, медом, серебром, и златом,
В вечном свете огненных лучей.
Белый, желтый, и блестяще-белый,
Ярко-желтый, рдяные ключи,
В этом крае ландыш онемелый
Пьет, не прячась, жаркие лучи.
В этом крае, блестящими богатом,
Люттик влажный светит целый год,
Сонмы лилий дышат ароматом,
Пышным сном подсолнечник цветет.
Целый день поют и выются пчелы,
Ночью светят стаи лебедей.
В этот праздник, светлый и веселый,
Входит тот, кто любит свет лучей.

РЕШЕНИЕ МЕСЯЦЕВ

Славянская сказка

Мать была. Двух дочерей имела,
И одна из них была родная,
А другая падчерица. Горе –
Пред любимой – нелюбимой быть.
Имя первой – гордое, Надмена,
А второй – смиренное, Маруша.
Но Маруша все ж была красивей,
Хоть Надмена и родная дочь.
Целый день работала Маруша,
За коровой приглядеть ей надо,
Комнаты прибрать под звуки брани,
Шить на всех, варить, и пряхь, в ткать.
Целый день работала Маруша,
А Надмена только наряжалась,
А Надмена только издевалась
Над Марушей: Ну-ка, ну еще.
Мачеха Марушу поносила:
Чем она красивей становилась,
Тем Надмена все была дурнее,

И решили две Марушу сжить.
Сжить ее, чтоб красоты не видеть,
Так решили эти два уroda,
Мучили ее – она терпела,
Били – все красивее она.
Раз, средь зимы, Надмене наглой,
Пожелалось вдруг иметь фиалок.
Говорит она: «Ступай, Марушка,
Принеси пучок фиалок мне.
Я хочу заткнуть цветы за пояс,
Обонять хочу цветочный запах».
«Милая сестрица» – та сказала,
«Разве есть фиалки средь снегов!»
«Тварь! Тебе приказано! Еще ли
Смеешь ты со мною спорить, жаба?
В лес иди. Не принесешь фиалок, –
Я тебя убью тогда. Ступай!»
Вытолкала мачеха Марушу,
Крепко заперла за нею двери.
Горько плача, в лес пошла Маруша,
Снег лежал, следов не оставлял.
Долго по сугробам, в лютой стуже,
Девушка ходила, цепенея,
Плакала, и слезы замерзали,
Ветер словно гнал ее вперед.
Вдруг в дали Огонь ей показался,
Свет его ей зовом был желанным,
На гору взошла она, к вершине,
На горе пылал большой костер.
Камни вокруг Огня, числом двенадцать,
На камнях двенадцать светлоликих,
Трое – старых, трое – помоложе,
Трое – зрелых, трое – молодых.
Все они вокруг Огня молчали,
Тихо на Огонь они смотрели,
То двенадцать Месяцев сидели,
А Огонь им разно колдовал.
Выше всех, на самом первом месте
Был Ледень, с седою бороною,
Волосы – как снег под светом лунным,
А в руках изогнутый был жезл.
Подивилась, собралась с духом,
Подошла и молвила Маруша:
«Дайте, люди добры, обогреться,
Можно ль сесть к Огню? Я вся дрожу».
Головой серебряно-седою
Ей кивнул Ледень: «Садись, девица.
Как сюда зашла? Чего ты ищешь?»
«Я ищу фиалок», был ответ.
Ей сказал Ледень: «Теперь не время.
Снег везде лежит». – «Сама я знаю.
Мачеха послала и Надмена.

Дай фиалок им, а то убьют».
Встал Ледень и отдал жезл другому,
Между всеми был он самый юный.
«Братец Март, садись на это место».
Март взмахнул жезлом поверх Огня.
В тот же миг Огонь блеснул сильнее,
Начал таять снег кругом глубокий,
Вдоль по веткам почки показались,
Изумруды трав, цветы, весна.
Меж кустами зацвели фиалки,
Было их кругом так много, много,
Словно голубой ковер постлали.
«Рви скорее!» молвил Месяц Март.
И Маруша нарвала фиалок,
Поклонилась кругу Светлоликих,
И пришла домой, ей дверь открыли,
Запах нежный всюду разлился.
Но Надмена, взяв цветы, ругнулась,
Матери понюхать протянула,
Не сказав сестре: «И ты понюхай».
Ткнула их за пояс, и опять.
«В лес теперь иди за земляникой!»
Тот же путь, и Месяцы все те же,
Благосклонен был Ледень к Маруше,
Сел на первом месте брат Июнь.
Выше всех Июнь, красавец юный,
Сел, поверх Огня жезлом повеял,
Тотчас пламя поднялось высоко,
Стаял снег, оделось все листвою.
По верхам деревья зашептали,
Лес от пенья птиц стал голосистым,
Запестрели цветики-цветочки,
Наступило лето, – и в траве
Беленькие звездочки мелькнули,
Точно кто нарочно их насеял,
Быстро переходят в землянику,
Созревают, много, много их.
Не успела даже оглянуться,
Как Маруша видит гроздь ягод,
Всюду словно брызги красной крови,
Земляника всюду на лугу.
Набрала Маруша земляники,
Услаждались ею две лентяйки.
«Ешь и ты». Надмена не сказала,
Яблок захотела, в третий раз.
Тот же путь, и Месяцы все те же,
Брат Сентябрь воссел на первом месте,
Он слегка жезлом костра коснулся,
Ярче запылал он, снег пропал.
Вся Природа грустно посмотрела,
Листья стали падать от деревьев,
Свежий ветер гнал их над травой,

Над сухой и желтою травой.
Не было цветов, была лишь яблонь
С яблоками красными. Маруша
Потрясла – и яблоко упало,
Потрясла – другое. Только два.
«Ну, теперь иди домой скорее»,
Молвил ей Сентябрь. Дивились злые.
«Где ты эти яблоки сорвала?»
«На горе. Их много там еще».
«Почему ж не принесла ты больше?
Верно все сама дорогой съела!»
«Я и не попробовала яблоч.
Приказали мне домой идти».
«Чтоб тебя сейчас убило громом!»
Девушку Надмена проклинала.
Съела красный яблоч. – «Нет, постой-ка,
Я пойду, так больше принесу».
Шубу и платок она надела,
Снег везде лежал в лесу глубокий,
Все ж наверх дошла, где те Двенадцать.
Месяцы глядели на Огонь.
Прямо подошла к костру Надмена,
Тотчас руки греть, не молвив слова.
Строг Ледень, спросил: «Чего ты ищешь?»
«Что еще за спрос?» она ему.
«Захотела, ну и захотела,
Ишь сидит, какой, подумать, важный,
Уж куда иду, сама я знаю».
И Надмена повернула в лес.
Посмотрел Ледень – и жезл приподнял.
Тотчас стал Огонь гореть слабее,
Небо стало низким и свинцовым,
Снег пошел, не шел он, а валил.
Засвистал по веткам резкий ветер,
Уж ни зги Надмена не видала,
Чувствовала – члены коченеют.
Долго дома мать ее ждала.
За ворота выбежит, посмотрит,
Поджидает, нет и нет Надмены,
«Яблоки ей верно приглянулись.
Дай-ка я сама туда пойду».
Время шло, как снег, как хлопья снега.
В доме все Маруша приубрала,
Мачеха нейдет, нейдет Надмена.
«Где они?» Маруша села пряхсть.
Смерклось на дворе. Готова пряжа.
Девушка в окно глядит от прялки.
Звездами над ней сияет Небо.
В светлом снеге мертвых не видать.

ЖЕРНОВА

Вертитесь, обращайтесь,
Мои жернова.
Литовская песня

Вертитесь, обращайтесь,
Мои жернова.
Вы, мысли, разрешайтесь
В певучия слова.
В душе есть тоже зерна,
И долго и упорно
Таятся зерна те
В душевной темноте.

Но мрак души не вечен,
Восходят зеленыя.
О, милый, ты отмечен
Там в сердце у меня.
Вот стебли зеленеют,
Желтеют и полнеют.
Густеет их толпа.
И мирно ждет серпа.

Красиво жнется нива.
Красив склоненный жнец.
О, все в тебе красиво,
И мой ты наконец.
Лежат снопы рядами,
Блестят они пред нами,
Наполнены воза,
Любуются глаза.

Вы, зерна, возвращайтесь,
Уж мельница жива.
Вертитесь, обращайтесь,
Мои жернова.
Без друга, молодая,
На мельнице была я,
Вдвоем зерно дроблю,
Люблю тебя, люблю.

КОЛОС

Рек Атлант: «Пшеничный колос – дар Венеры, как пчела,
С высоты Звезды Вечерней власть Звезды их принесла».
Дар блистательной Венеры – нежный хлеб и желтый мед.
И колосья золотятся, и в лугах пчела поет.

В пышноцветной Атлантиде, меж садов и пирамид,
Слышу я, пшеничный колос, там в веках, в веках шумит.
Вижу я равнины Майи, и Халдейские поля,
Ширь предгорий Мексиканских, Перу, дышит вся Земля.
Там пшеничные колосья, тяжелея, смотрят вниз,
Там агавы змейно светят, желтый светится маис.
И они даны, быть может, нам небесной вышиной,
Но ржаной, ржаной наш колос – достоверно он земной.
Наш земной, и мой родной он, шелестящий в тишине,
Между Северных селений без конца поющий мне.
О Славянской вашей доле, что не красочна в веках,
Но раздольна, и хрустальна в непчатых родниках.
О Славянской нашей думе, что идет со дна души,
И поет, как этот колос, в храме Воздуха, в тиши.
В бесконечных, ровных, скорбных Предрешениях судеб,
Темных, да, как клад подземный, нужных нам, как черный хлеб.
Нужных нам, как шелестящий колос, колос наш ржаной,
Чтобы мир не расставался с тайной чарой, нам родной.

ЛЕН

Странный сон мне ночью снился: будто всюду лен,
Голубое всюду поле в синеве времен.

Нежно-малые цветочки, каждый жив, один,
Каждый, в малости, создатель мировых глубин.

Все цветки глядят, и взор их – в стороне одной,
И смущение и радость овладели мной.

Вот проходит зыбь морская, зыбь морского сна,
Здесь и там светло мелькает в Море белизна.

Что-то будто бы хоронят и святят цветы,
В посвященье кто-то стонет, стелются холсты.

Кто-то был, и изменился, и кого-то нет,
Жизнь и смерть в цветочке каждом, и лазурный свет.

Каждый, в малости, создатель голубого сна,
Синей зыбью снова дышит, шепчет глубина.

И безбрежно так и нежно всюду в мире лен,
Голубое всюду поле в синеве времен.

ЗАРИНА

По-санскритски Тамара – Вода,
Массagetская диво-царица Томирис есть Дочь Океана,
А владычица Сакских степей есть Зарина, Заря,
Что всегда
Достоверна над зыбью тумана,
Достоверною волей тверда,
Хоть и нежно сияет, горя,
Как сияют снега на вершинах, цветы, и каменья, и пена,
Как сияла, сияет, и будет сиять,
Лунный камень, Елена,
Лунный Эллинский сон, и Троянский, и наш, до скончания дней,
Роковая печать
Тех, кто в счастье влюблен,
Тех, в ком Агни, Огонь, созиданье, светящийся, красочный сон,
Тех, чьи мысли – безбрежность морей,
Роковая печать
Для поющей, для огненной, плещущей, думы предвечной моей.

ЖИВАЯ ВОДА

Знак: красный рубин

Карбункул, иначе красный
рубин, иначе лик или цвет огня,
от Солнца имеет дар светить в
темноте, и быть надлежащим
оружием против отравы.
Жан де ля Тай де Бондаруа

ВОЛХ

Мы Славяне – дети Волха, а отец его – Славен,
Мы всегда как будто те же, но познали смысл измен.

Прадед наш, Славен могучий, победительный был змей,
Змейно стелется ковыль наш в неоглядности степей.

Волх Всеславич, многоликий, оборачиваться мог,
Волхом рыскал, был он сокол, тур был красный, златорог.

Солнцеликий, змеегибкий, бесомудрый, чародей,
Он от женщины красивой нас родил, крылатых змей.

Сам от женщины красивой и от змея был рожден,
Так гласит об этом голос отдалившихся времен.

Молода княжна гуляла, расцветал весенний сад,
С камня змей скочил внезапно, изумрудный светит взгляд.

Вьется лентой переливной, прикоснулся белых ног,
Льнет к чулочiku шелкову, бьет сафьянный башмачок.

Белизну ноги ласкает, затуманил, опьянил.
И содвинулись недели, Волх рожден прекрасной был.

Сине Море сколебалось, пошатнулась глубина,
С Солнцем красным в Небе вместе закраснелась Луна.

И от рыб по Морю тучи серебристые пошли,
И летели птицы в Небе, словно дым стоял вдали.

Скрылись туры и олени за громадой синих гор.
Зайцы, волки, и медведи все тревожатся с тех пор.

И протяжно на озерах кличет стая лебедей,
Ибо Волх родился в мире, сокол, волк он, тур, и змей.

Оттого в степи и в чащах зверь нам радость, не беда,
И змеєю наша песня длится, тянется всегда.

Оттого и вещий Волхов именит среди стихий,
Чародеем он зовется, вековой речной наш змий.

И по суше, и по Морю, всюду в мире, далеко,
Прозвучит в столетьях песня про богатого Садко.

СВЕТОГОР И МУРОМЕЦ

Был древле Светогор, и Муромец могучий,
Два наши, яркие в веках, богатыря.
Столетия прошли, и растянулись тучей,
Но память их живет, но память их – заря,
Забьлся Светогор. А Муромец бродячий,
Наехав, увидел красивую жену.
Смущен был богатырь. А тот, в мечте лежачей, –
Умно ли, – предал ум, оглядку волка, сну.
Красивая жена, лебедка Светогора,
Сманила Муромца к восторгам огненным,
И тот не избежал обмана и позора,
Губами жадными прильнул к губам слепым,
Проснувшись, Светогор узнал о вещи тайной,
Он разорвал жену, и разметал в полях.
А дерзкий Муромец стал побратим случайный,
И дружно с тем другим он сеял в мире страх.

Плениться сумраком, – не диво нам. Однако
Что было, да уйдет с разливной водой.
Сразивши полчища возлюбленных мрака,
Приехали они к гробнице золотой.
Лег Светагор в нее, была гробница впору.
«Брат названный», сказал, «покрой меня». Покрыл.
Примерил доски он к гробнице Светогору,
И доски приросли. А тот проговорил: –
«Брат названный, открой». Но тайны есть в могилах,
Каких не разгадать. И приподнять досок
Бессмертный Муромец, могучий, был не в силах.
И доски стал рубить, но разрубить не мог.
Лишь он взмахнет мечом, – и обруч есть железный.
Лишь он взмахнет мечом – и обруч есть другой.
О, богатырь Земли, еще есть мир надзвездный,
Подземный приговор, и тайна тьмы морской!
В гробнице снова зов: «Брат названный, скорее.
Бери мой вещий меч, меч-кладенец возьми».
Но силен богатырь, а меч еще сильнее,
Не может он поднять, сравнялся он с людьми.
«Брат названный, поди, тебе придам я силы».
И дунул Светагор всем духом на Илью.
Меч-кладенец подъят. Но цепки все могилы.
Напрасно, Муромец, ты тратишь мощь свою.
Ударит – обруч вновь, ударит – обруч твердый.
«Брат названный, приди, еще я силы дам».
Но Муромец сказал: «довольно силы гордой.
Не понесет Земля. Довольно силы нам».
«Когда бы ты припал», был голос из гробницы,
Я мертвым духом бы повеял на тебя.
Ты лег бы подле спать». – Щебечут в мире птицы.
О, птицы, эту быль пропойте про себя!

СВЕТОГОР

Поехал Светагор путем-дорогой длинной,
Весь мир кругом сверкал загадкою картинной,
И сила гордая была в его коне.
Подумал богатырь: «Что в мире равно мне?»
Тут на пути его встречается прохожий.
Идет поодаль он. И смотрит Светагор: –
Прохожий-то простой, и с виду непригожий,
Да на ногу он скор, и конь пред ним не спор.
Поедет богатырь скорей – не догоняет,
Потише едет он – все так же тот идет.
Дивится Светагор, и как понять, не знает,
Но видит – не догнать, хоть ехать целый год.
И богатырь зовет: «Эй дивный человек,
Попридержи себя: на добром я коне,

Но не догнать тебя». Не возбраняя встрече,
Прохожий подождал – где был он, в стороне.
С плеч снял свою суму, кладет на камень синий,
На придорожную зеленую плиту.
И молвил богатырь, с обычною гордыней,
С усмешкой поглядев на эту нищету: –
«Что у тебя в суме? Не камни ль самоцветны?»
«А подыми с земли, тогда увидишь сам».
Сума на взгляд мала, вид сверху неприветный,
Коснулся богатырь – и воли нет рукам.

Не может шевельнуть. Обеими руками,
Всей силой ухватил, и в землю он угрыз.
Вдоль по лицу его не пот, а кровь струями,
Пред тем неведомым прохожим, полилась.
«Что у тебя в суме? Сильна моя отвага,
Не занимать мне стать, суму же не поднять».
И просто тот сказал: «В суме – земная тяга».
«Каким же именем, скажи, тебя назвать?»
«Микула Селянин». – «Поведай мне, Микула,
Судьбину Божию как я смогу открыть?»
«Дорога напрямиком, а где она свернула
Налево, там коня во всю пускай ты прыть.
От росстани свернешь – там Северные Горы,
Под Древним Деревом там кузница стоит.
Там спросишь кузнеца. Он знает приговорь».
«Прощай». – «Прощай». И врозь. И новый путь лежит.

Поехал Светагор прямым путем, и влево
На росстани свернул, во весь опор тут конь
Пустился к Северным Горам, вот Чудо-Древо,
Вот кузница, кузнец, поет цветной огонь.
Два тонких волоса кует кузнец пред горном.
«Ты что куешь, кузнец?» – «Судьбину я кую,
Кому быть в жизни с кем. Каким быть в мире зернам».
«На ком жениться мне? Скажи судьбу мою».
«Твоя невеста есть, она в Поморском царстве,
В престольном городе, во гноище лежит».
Услышав о своем предсказанном мытарстве,
Смутился Светогор. И новый путь бежит.

«Пойду я туда. Убью свою невесту».
Подумал. Сделал так. Уж далеко гора.
Увидел он избу, когда приехал к месту.
Там девка в гноище, все тело – как кора.
Он яхонт положил на стол. Взял меч свой вострый.
В грудь белую ее мечом тем вострым бьет.
И быстро едет прочь. Весь мир – как праздник пестрый.
Прочь, струпья страшные. К иному путь ведет.

Проснулась спавшая. Разбита злая чара.
Ниспала в гноище еловая кора.

И смотрит девушка. Пред ней, светлей пожара,
Алеет яхонта цветистая игра.
Принес тот камень ей богатства неисчетны,
И множество у ней червлёных кораблей.
Кузнец меж тем куёт. Пути бесповоротны.
Чарует красота. И слух идет о ней.

Пришел и Светагор красавицу увидеть.
И полюбил ее. Стал сватать за себя.
Женились. Кто б сказал, что можно ненавидеть –
И через ненависть блаженным стать, любя.
Как спать они легли, он видит рубчик белый.
Он спрашивал, узнал, откуда тот рубец.
О, Светогор, когда б не тот порыв твой смелый,
Кто знает, был ли бы так счастлив твой конец!

ВОЛЬГА

Закатилось красно Солнце, за морями спать легло,
Закатилось, а в мире было вольно и светло.
Рассадились часты звезды в светлом Небе, как цветы,
Не пустили Ночь на Землю, не позволяя темноты.
Звезды, звезды за звездами, и лучист у каждой лик.
Уж и кто это на Небе возрастил такой цветник?
Златоцветность, звездоцветность, что ни хочешь – все проси.
В эту ночь Вольга родился на святой Руси.
Тихо рос Вольга пресветлый до пяти годков.
Дома больше быть не хочет, манит ширь лугов.
Вот пошел, и Мать-Земля восколебалася,
Со китов своих как будто сдвигалася,
Разбежались все звери во лесах,
Разлетались все птицы в небесах,
Все серебряные рыбы разметались,
В синем Море трепетали и плескались.
А Вольга себе идет все да идет,
В чужедальную сторонку путь ведет.
Хочет хитростям он всяким обучаться,
Хочет в разных языках укрепляться.
На семь лет Вольга задался посмотреть широкий свет,
А завлекся – на чужбине прожил все двенадцать лет.
Обучался, обучился. Что красиво? Жить в борьбе.
Он хоробрую дружину собирал себе.
Тридцать сильных собирал он без единого, а сам
Стал тридцатым, был и первым, и пустились по лесам.
«Ой дружина, вы послушайте, что скажет атаман.
Вейте петли вы шелковые, нам зверь в забаву дан,
Становите вы веревочки в лесу среди ветвей,
И ловите вы куниц, лисиц, и черных соболей».
Как указано, так сделано, веревочки стоят,

Только звери чуть завидят их, чуть тронут – и назад.
По три дня и по три ночи ждали сильные зверей,
Ничего не изловили, жди не жди среди ветвей.
Тут Вольга оборотился, и косматым стал он львом,
Соболей, куниц, лисиц он заворачивал кругом,
Зайцев белых поскакучих, горностаев нагонял,
В петли шелковы скружал их, гул в лесу и рев стоял.
И опять Вольга промолвил: «Что теперь скажу я вам:
Вы силки постановите в темном лесе по верхам.
Лебедей, гусей ловите, заманите сверху ниц,
Ясных соколов словите, да и малых пташек-птиц».
Как он молвил, так и было, слово слушали его,
За три дня и за три ночи не словили ничего.
Тут Вольга оборотился, и в ветрах, в реке их струй,
Он в подблачье помчался, птица вольная Науй.
Заворачивал гусей он, лебедей, и соколов,
Малых пташиц, всех запутал по верхам среди силков.
И опять Вольга промолвил, возжелав иной игры: –
«Дроворубные возьмите-ка теперь вы топоры,
Вы суденышко дубовое постройте поскорей,
Вы шелковые путевья навяжите похитрей,
Выезжайте в сине Море, наловите рыбы мне,
Много щук, белуг, и всяких, много рыбы в глубине».
Как он молвил, так и было, застучал о дуб топор,
И в путевьях во шелковых возникал мудрен узор.
Выезжали в сине Море, много рыб во тьме его,
За три дня и за три ночи не словили ничего.
Тут Вольга оборотился, щукой стал, зубастый рот,
Быстрым ходом их обходит, в верный угол их ведет.
Заворачивал белугу, дорогого осетра,
Рыб плотниц, и рыбу семгу. Будет, ладно, вверх пора.
Тут-то в Киеве веселом пировал светло Вольга,
Пировала с ним дружина, говорили про врага.
Говорил Вольга пресветлый: «Широки у нас поля.
Хлеб растет. Да замышляет против нас Турец-земля.
Как бы нам про то проведать, что задумал-загадал
Наш лихой давнишний враг, этот царь Турец-Сантал?
Если старого послать к ним, долго ждать, а спешен час,
А середняго послать к ним, запоят вином как раз,
Если ж малого послать к ним, заиграется он там,
Только девушек увидит, не дожидаться вести нам.
Видно, надобно нам будет, чтоб пошел к ним сам Вольга,
Посмотрел бы да послушал да почувствовал врага».
Тут Вольга оборотился, малой пташкой полетел,
Против самого оконца, пред царем Турецким сел.
Речи тайные он слышит. Говорит с царицей царь: –
«Ай царица, на Руси-то не растет трава как встарь,
И цветы-то на Руси уж не по-прежнему цветут.
Нет в живых Вольги, должно быть». – Говорит царица тут:
«Ай ты царь, Турец-Сантал мой, все как есть цветок цветет.
На Руси трава густая все по-прежнему растет.
А спалось мне ночью, снилось, что с Восточной стороны

Пташка малая несется, звонко кличет с вышины.
А от Запада навстречу черный ворон к ней летит,
Вот слетелись, вот столкнулись, ветер в крылья им свистит.
В чистом поле бой зачался, пташка – малая на взгляд,
Да побит ей черный ворон, перья по ветру летят».
Царь Турец-Сантал подумал, и беседует с женой: –
«Так я думаю, что скоро я на Русь пойду войной.
На святой Руси возьму я ровно девять городов,
Шубку выберу тебе я, погощу, и был таков».
А Турецкая царица говорит царю в ответ: –
«Городов не покоришь ты, не найдешь мне шубки, нет».
Вскинул очи, осердился, забранился царь Сантал.
«Ах, сновидица-колдунья!» И учить царицу стал.
«Вот тебе! А на Руси мне ровно девять городов.
Вот тебе! А шубка будет. Погощу, и был таков».
Тут Вольга оборотился, примечай не примечай,
Только в горницу ружейну впрыгнул малый горностаи,
Все луки переломал он, зубом острым проточил,
Тетивы все перервал он, прочь из горницы скочил.
Серым волком обернулся, на конюший прыгнул двор,
Перервал коням он глотки, прыг назад – и чрез забор.
Обернулся малой пташкой, вот в подоблачье летит,
Свистнул, – дома. Светел Киев, он с дружиною сидит.
«Ой дружина, собирайся!» И дрожит Турец-земля.
На Руси чуть дышит ветер, тихо колос шевеля.
И склонились пред силой молодецкою
Царь-Сантал с своей царицею Турецкою.
Проблистали и упали сабли вострые,
Развернулись чудо-шали ярко-пестрые,
И ковры перед дружиною узорные,
Растерял пред пташкой ворон перья черные.
И гуляет, и смеется вольный, светлый наш Вольга,
Он уж знает, как коснуться, как почувствовать врага.

ПОТОК

Засветились цветы в серебристой росе,
Там в глуши, возле заводей, в древних лесах.
Замечтался Поток о безвестной красе,
На пиру он застыл в непонятных мечтах.
Ласков Князь говорит: «Службу мне сослужи».
Вопрошает Поток: «Что исполнить? Скажи».
«К Морю синему ты поезжай поскорей,
И на тихия заводи, к далям озер,
Настреляй мне побольше гусей, лебедей».
Путь бежит. Лес поет. Гул вершинный – как хор.
Белый конь проскакал, было вольно кругом,
В чистом поле пронесся лишь дым столбом.
И у синяго Моря, далеко, Поток.

И у заводей он. Мир богат. Мир широк.
Слышит витязь волну, шелест, вздох камышей.
Настрелял он довольно гусей, лебедей.
Вдруг на заводи он увидал
Лебедь Белую, словно видение сна,
Через перо вся была золотая она,
На головушке жемчуг блистал.
Вот Поток натянул свой упругий лук,
И завыли рога, и запел этот звук.
И уж вот полетит без ошибки стрела, –
Лебедь Белая нежною речью рекла:
«Ты помедли, Поток. Ты меня не стреляй.
Я тебе пригожусь. Примечай».
Выходила она на крутой бережок,
Видит светлую красную Деву Поток.
И в великой тиши, слыша сердце свое,
Во сырую он землю втыкает копьё,
И за остро копьё привязавши коня,
Он целует девицу, исполнен огня.
«Ах, Алена душа, Лиховидьевна свет,
Этих уст что милей? Ничего краше нет».
Тут Алена была для Потока жена,
И уж больно его улещала она: –
«Хоть на мне ты и женишься нынче, Поток,
Пусть такой мы на нас налагаем зарок,
Чтобы кто из нас прежде другого умрет,
Тот второй – в гроб – живой вместе с мертвым пойдёт».
Обещался Поток, и сказал: «Вечеру
Будь во Киеве, в церковь тебя я беру.
Обвенчаюсь с тобой». Поскакал на коне.
И не видел, как быстро над ним, в вышине,
Крылья белые, даль рассекая, горят,
Лебедь Белая быстро летит в Киев град.
Витязь в городе. Улицей светлой идет.
У окошка Алена любимого ждет.
Лиховидьевна – тут. И дивится Поток.
Как его упредила, ему невдомек.
Пожились. Любились. Год минул, без зла.
Захворала Алена – и вдруг умерла.
Это хитрости Лебедь искала над ним,
Это мудрости хочет над мужем своим.
Смерть пришла – так, как падает вечером тень.
И копали могилу, по сорок сажень
Глубиной, шириной. И собрались попы,
И Поток, пред лицом многолюдной толпы,
В ту гробницу сошел, на коне и в броне,
Как на бой он пошел, и исчез в глубине.
Закопали могилу глубокую ту,
И дубовый, сплотившись, восстал потолок,
Рудожелтый песок затянул красоту,
Под крестом, на коне, в темной бездне Поток.
И лишь было там место веревке одной,

Привязали за колокол главный ее.
От полудня до полночи в яме ночной
Ждал и думал Поток, слушал сердце свое.
Чтобы страху души ярим воском помочь,
Зажигал он свечу, как приблизилась ночь,
Собрались к нему гады змеиной толпой,
Змей великий пришел, огнедышащий Змей,
И палил его, жег, огневой, голубой,
И касался ужалами острых огней.
Но Поток, не сробев, вынул верный свой меч,
Змею, взмахом одним, смог главу он отсечь.
И Алену он кровью змеиной омыл,
И восстала она в возрожденности сил.
За веревку тут дернул всей силой Поток.
Голос меди был глух и протяжно-глубок.
И Поток закричал. И сбежался народ.
Раскопали засыпанных. Жизнь восстает.
Выступает Поток из ночной глубины,
И сияет краса той крылатой жены.
И во тьме побывав, жили долго потом,
Эти двое, что так расставались со днем.
И молва говорит, что, как умер Поток,
Закопали Алену красивую с ним.
Но в тот день свод Небес был особо высок,
И воздушные тучки летели как дым,
И с Земли уносясь, в голубых Небесах,
Лебединые крылья белели в лучах.

СОЛОВЕЙ БУДИМИРОВИЧ

Высота ли, высота поднебесная,
Красота ли, красота бестелесная,
Глубина ли, глубина Океан морской,
Широко раздолье наше всей Земли людской.

Из-за Моря, Моря синего, что плещет без конца,
Из того ли глухоморья изумрудного,
И от славного от города, от града Леденца,
От заморского Царя, в решеньях чудного,
Выбегали, выгребали ровно тридцать кораблей,
Всех красивей тот, в котором гость богатый Соловей,
Будимирович красивый, кем гордится вся земля,
Изукрашено судно, и Сокол имя корабля.
В нем по яхонту по ценному горит взамен очей,
В нем по соболю чернеется взамен густых бровей,
Вместо уса было воткнуто два острые ножа,
Уши – копыта Мурзавецки, встали, ветер сторожа,
Вместо гривы две лисицы две бурнастые,
А взамен хвоста медведи головастые,

Нос, корма его взирает по-туриному,
Взведены бока крутые по-звериному.
В Киев мчится этот Сокол ночь и день, чрез свет и мрак,
В корабле узорном этом есть муравленный чердак,
В чердаке была беседа – рыбий зуб с игрой огней,
Там, на бархате, в беседе, гость богатый Соловей.
Говорил он корабельщикам, искусникам своим:
«В город Киев как приедем, чем мы Князя подарим?»
Корабельщики сказали: «Славный гость ты Соловей,
Золота казна богата, много черных соболей,
Сокол их везет по Морю ровно сорок сороков,
И лисиц вторые сорок, сколь пушиста тьма хвостов,
И камка есть дорогая, из Царь-Града свет-узор,
Дорогая то не очень, да узор весьма хитер».
Прибежали корабли под тот ли славный Киев град,
В Днепр реку метали якорь, сходни стали, все глядят.
Вот во светлую во гридню смело входит Соловей,
Ласков Князь его встречает со дружиною своей.
Князю он дарит с Княгиней соболей, лисиц, камку,
Ничего взамен не хочет – место в саде, в уголку.
«Дай загон земли», он просит, «чтобы двор построить мне,
Там, где вишенья белеет, вишни будут спеть Княжне».
Соловью в саду Забавы отмежевана земля,
Он зовет людей работных со червлена корабля.
«Вы берите-ка топорики булатные скорей,
Снарядите двор в саду мне, меж узорчатых ветвей,
Где Забава спит и грезит, в час как Ночь в звездах идет,
В час как цветом, белым цветом, часто вишенья цветет».
С поздняя вечера дружина с топорами, ровен звук,
Словно дятлы по деревьям, щелк да щелк, и стук да стук.
Хорошо идет, к полуночи и двор поспел, гляди,
Златоверхие три терема, и сени впереди,
Трои сени, все решетчатые, и тонки сени те,
В теремах все изукрашено, как в звездной высоте.
Небо с Солнцем, терем с солнцем, в небе Месяц, месяц здесь,
В Небе звезды, в Небе зори, в зорях звездных терем весь.
Вот к заутрени звонили, пробуждается Княжна,
Ото сна встает Забава, смотрит все ли спит она?
Из косяцата окошка в свой зеленый смотрит сад,
Златоверхие три терема как будто там стоят.
«Ой вы мамушки и нянюшки, идите поскорей,
Красны девушки, глядите, что в саду среди ветвей.
Это чудо ль показалось мне средь вишенья в цветущу?
Наяву ли увидала я такую красоту?»
Отвечают красны девушки и нянюшки Княжне:
«Счастье с цветом в дом пришло к тебе, и в яви, не во сне».
Вот идет Забава в сад свой, меж цветов идет Княжна,
Терем первый, в нем все тихо, золотая там казна,
Ко второму, за стенами потихоньку говорят,
Помаленьку говорят в нем, все молитву там творят,
Подошла она ко третьему, стоит Княжна, глядит,
В третьем тереме, там музыка, там музыка гремит.

Входит в сени, дверь открыла, испугалась Княжна,
Резвы ноги подломились, видит дивное она:
Небо с Солнцем, терем с солнцем, в Небе Месяц, месяц здесь,
В Небе звезды, в Небе зори, в звездных зорях терем весь.
Подломились резвы ножки, Соловей догадлив был,
Гусли звончаты он бросил, красну деву подхватил,
Подхватил за белы ручки тут Забаву Соловей,
Клал ее он на кровати из слоновьих костей,
На пуховые перины, в обомленье, положил: –
«Что ж, Забава, испугалась?» – Тут им день поворожил.
Солнце с солнцем золотилось, Месяц с месяцем горел,
Зори звездные светились, в сердце жар был юн и смел.
Сердце с сердцем, очи в очи, о, как сладко и светло,
Белым цветом, всяким цветом, нежно вишенье цвело.

САДКО

Был Садко молодец, молодой Гусяр,
Как начнет играть, пляшет млад и стар.
Как начнут у него гусли звончаты петь,
Тут выкладывать медь, серебром греметь.
Так Садко ходил, молодой Гусяр,
И богат бывал от певучих чар.
И любим бывал за напевы струн,
Так Садко гулял, и Садко был юн.
Загрустил он раз: «Больно беден я.
Пропадет вот так вся и жизнь моя».
Закручинился он, к Ильменю пришел,
Гусли звончаты взял, зазвенел лес и дол.
Заходила волна, загорелась волна,
Всколыхнулась со дна вся вода-глубина.
Он так раз проиграл, проиграл он и два,
А на третий мелькнула пред ним голова.
Водный Царь перед ним, словно белый пожар,
Разметался, встает, смотрит юный Гусяр.
«Все, что хочешь, проси». – «Дай мне рыб золотых».
– «Опускай невода, много выгацишь их».
Трижды бросил в Ильмень он свои невода,
Рыбой белой и красной дарила вода,
И пока допевал он напевчатый стих,
Дал Ильмень ему в невод и рыб золотых.
Положил он всю рыбу на полных возах,
Он в глубоких ее хоронил погребях.
Через день он пришел и открыл погребя, –
Эх Садко молодец, вот судьба так судьба:
Там, где красная рыба – несчетная медь,
Там, где белая – серебра полная клеть,
А куда положил он тех рыб золотых,
Все червонцы лежат, сколько их, сколько их!

Тут Гусляр молодой стал богатый Купец,
Гость Богатый Садко. Ну Гусляр молодец!

Он по Новгороду ходит и глядит,
«Где товары тут у вас?» он говорит.
«Я их выкуплю, товары все дотла».
Вечно молодость хвастливою была.
«Я сто тысячей казны вам заплачу.
Где товары? Все товары взять хочу».
Он поит Новгородских мужиков,
Во хмелю-то напоить он всех готов.
Выставляли тут товаров без конца,
Да не считана казна у молодца.
Все купил он, все, что было, он скупил,
Он, сто тысячей отдав, богатым был.
Терем выстроил, в высоком терему
Камни ночью самоцветятся во тьму.
Он Можайского Николу сорудил,
Он все маковицы ярко золотил.
Иукрашивал иконы по стенам,
Чистым жемчугом убрал иконы нам.
Вызолачивал он царские врата,
Пред жемчужной – золотая красота.
А как в Новгороде снова он пошел,
Он товаров на полушку не нашел,
И зашел тогда Садко во темный ряд,
Черепки, горшки там битые стоят.
Усмехнулся он, купил и те горшки:
«Пригодятся», говорит, «И черепки,
Дети малые», мол, «будут в них играть,
Будут в играх про Садко воспоминать.
Я Садко Богатый Гость, Садко Гусляр,
Я люблю, чтобы плясал и млад и стар.
Гусли звончаты недаром говорят:
Я Садко Богатый Гость, весенний сад!»

Вот по Морю, Морю синему, средь пенистых зыбей,
Выбегают, выгребают тридцать быстрых кораблей.
Походили, погуляли, торговали далеко,
А на Соколе па светлом едет сам купец Садко.
Корабли бегут проворно, Сокол лишь стоит один,
Видно, чара тут какая, есть решение глубин.
И промолвил Гость Богатый, говорит Садко Купец:
«Будем жеребья метать мы, на кого пришел конец».
Все тут жеребья метали, написавши имена, –
Все плывут, перо Садково поглотила глубина.
Дважды, трижды повторили, – вал взметнется, как гора,
Ничего тот вал не топит, лишь хмелева нет пера.
Говорит тут Гость Богатый, говорит своим Садко:
«Видно, час мой подступает, быть мне в Море глубоко,
Я двенадцать лет по Морю, Морю синему ходил,
Дани-пошлины я Морю, возгордившись, не платил.

Говорил я: Что мне море? Я плачу кому хочу.
Я гуляю на просторе, миг забав озолочу.
А уж кланяться зачем же! Кто такой, как я, другой?
Видно, Море осерчалю. Жертвы хочет Царь Морской».
Говорил так Гость Богатый, но, бесстрашный, гусли взял,
В вал спустился – тотчас Сокол прочь от места побежал.
Далеко ушел. Над Морем воцарилась тишина.
А Садко спустился в бездну, он живой дошел до дна.
Видит он великую там на дне избу,
Тут Садко дивуется, узнает судьбу.
Раковины светятся, месяцы дугой,
На резных палатах сам там Царь Морской.
Самоцветны камни с потолка висят,
Жемчуга такие – не насытишь взгляд.
Лампы из коралла, изумруд – вода,
Так бы и осталась там душа всегда.
«Здравствуй», Царь Морской промолвил Гуслиару,
«Ждал тебя долгонько, помню я игру.
Что ж, разбогател ты – гусли позабыл?
Ну-ка, поиграй мне, звонко, что есть сил».
Стал Садко тут тешить Водного Царя,
Заиграли гусли, звоном говоря,
Заиграли гусли звончаты его,
Царь Морской – плясать, не помнит ничего.
Голова Морского словно сена стог,
Пляшет, размахался, бьет ногой в порог,
Шубою зеленой бьет он по стенам,
А вверху – там Море с ревом льнет к скалам.
Море разгулялось, тонут корабли,
И когда бы сверху посмотреть могли,
Видели б, что нет сильнее ничего,
Чем Садко и гусли звончаты его.
Наплясались ноги. Царь Морской устал.
Гостя угощает, Гость тут пьяным стал.
Развалился в Море, на цветистом дне,
И Морские Девы встали как во сне.
Царь Морской смеется: «Выбирай жену.
Ту бери, что хочешь. Лишь бери одну».
Тридцать красовалось перед ним девиц
Белизною груди, красотою лиц.
А Садко-причудник: ту, что всех скромней,
Выбрал он, Чернава было имя ей.
Спать легли, и странно в глубине морской
Раковины рдели, месяцы дугой.
Рыбы проходили в изумрудах вод,
Видело мечтанье, как там кит живет,
Сколько трав нездешних смотрит к вышине,
Сколько тайн сокрыто на глубоком дне.
И Садко забылся в красоте морской,
И жену он обнял левою ногой.
Что-то колыхнулось в сердце у него,
Вспомнил, испугался, что ли, он чего.

Только вдруг проснулся. Смотрит – чудеса:
Новгород он видит, светят Небеса,
Вон, там храм Николы, то его приход,
С колокольной звон к заутрени зовет.
Видит – он лежит над утренней рекой,
Он в реке Чернаве левою ногой.
Корабли на Волхе светят далеко.
«Здравствуй, Гость Богатый! Здравствуй, наш Садко!»

ЧУРИЛО ПЛЕНКОВИЧ

Как во стольном том во городе во Киеве был пир,
Как у ласкового Князя пир идет на целый мир.
Пированье, столование, почестный стол,
Словно день затем пришел, чтоб этот пир так шел.
И уж будет день в половине дня,
И уж будет стол во полу-столе,
А все гусли поют, про веселье звеня,
И не знает душа, и не помнит о зле.
Как приходит тут к Князю сто молодцов,
А за ними другие и третии сто.
С кушаками они вкруг разбитых голов,
На охоте их всех избидели. Кто?
А какие-то молодцы, сабли булатные,
И кафтаны на них все камчатные,
Жеребцы-то под ними Латинские,
Кони бешены те исполинские.
Половили они соболей и куниц,
Постреляли всех туров, оленей, лисиц,
Обездолили лес, и наделали бед,
И добычи для Князя с Княгиней нет.
И не кончили эти, другие идут,
В кушаках, как и те, кушаки-то не тут,
Где им надобно быть: рыболовы пришли,
Вместо рыбы они челобитье несли.
Всю-де выловили белорыбицу там,
Карасей нет, ни шук, и обида есть нам.
И не кончили эти, как третьи идут,
В кушаках, как и те, и челом они бьют:
То сокольники, нет соколов в их руках,
Что не надо, так есть, много есть в кушаках,
Избидели их сто чужих молодцов.
«Чья дружина?» – «Чурилы». – «А кто он таков?»
Тут Бермята Васильевич старый встает:
«Мне Чурило известен, не здесь он живет.
Он под Киевцем Малым живет на горах,
Двор богатый его, на семи он верстах.
Он привольно живет, сам себе господин,
Вкруг двора у него так железный есть тын,

И на каждой тынинке по маковке есть,
По жемчужинке есть, тех жемчужин не счесть.
Среди-то двора там светлицы стоят,
Белодубовы все, гордо гридни глядят,
Эти гридни покрыты седым бобром,
Потолок – соболями, а пол – серебром,
А пробои-крюки все злаченный булат,
Пред светлицами трои ворота стоят,
Как одни-то резные, вальящаты там,
А другия хрустальны, на радость глазам,
А пред тем как пройти чрез стеклянные,
Еще третьи стоят, оловянные».

Вот собрался Князь с Княгинею, к Чуриле едет он,
Старый Плен идет навстречу, им почет и им поклон.
Посадил во светлых гриднях их за убраны столы,
Будут пить питья медвяны до вечерней поздней мглы.
Только Князь в оконце глянул, закручинился: «Беда!
Я из Киева в отлучке, а сюда идет орда.
Из орды идет не Царь ли, или грозный то посол?»
Плен смеется: «То Чурило, сын мой, Пленкович пришел».
Вот глядят они, а день уж вечеряется,
Красно Солнышко к покою закатается,
Собирается толпа, их за пять сот,
Молодцов-то и до тысячи идет.
Сам Чурило на могучем на коне
Впереди, его дружина – в стороне,
Перед ним несут подсолнечник-цветок,
Чтобы жар ему лица пожечь не мог.
Перво-наперво бежит тут скороход,
А за ним и все, кто едет, кто идет.
Князь зовет Чурилу в Киев, тот не прочь:
Светел день там, да светла в любви и ночь.

Вот во Киеве у Князя снова пир,
Как у ласкового пир на целый мир.
Ликование, свирельный слышен глас,
И Чурила препожалует сейчас.
Задержался он, неладно, да идет,
В первый раз вина пусть будет невзачет.
Стар Бермята, да жена его душа
Катеринушка уж больно хороша.
Позамешкался маленько, да идет,
Он ногой муравки-травки не помнет,
Пятки гладки, сапожки – зелен сафьян,
Руки белы, светлы очи, стройный стан.
Вся одежда – драгоценная на нем,
Красным золотом прошита с серебром.
В каждой пуговке по молодцу глядит,
В каждой петельке по девице сидит,
Застегнется, и милуются они,
Расстегнется, и целуются они.

Загляделись на Чурилу, все глядят,
Там где девушки – заборы там трещат,
Где молодухи – там звон, оконца бьют,
Там где старые – платки на шее рвут.
Как вошел на пир, тут Князева жена
Лебедь рушила, обрезалась она,
Со стыда ли руку свесила под стол,
Как Чурилушка тот Пленкович прошел.
А Чурила только смело поглядел,
А свирельный глас куда как сладко пел.

Пировали так, окончили, и прочь,
А пороша выпадала в эту ночь.
Все к заугрени идут, чуть белый свет,
Заприметили на снеге свежий след.
И дивуются: смотри да примечай,
Это зайка либо белый горностаи.
Усмехаются иные, говорят:
«Горностаи ли был? Тут зайка ль был? Наверяд.
А Чурило тут наверно проходил,
Красоту он Катерину навестил».

Говорили мне, что будто молодец
На Бермяту натолкнулся наконец,
Что Бермятой был он будто бы убит, –
Кто поведал так, неправду говорит.
Уж Бермяте ль одному искать в крови
Честь, мести, как захочешь, так зови.
Не убьешь того, чего убить нельзя,
Горностаева уклончива стезя.
Тот, кто любит, – как ни любит, любит он,
И кровавою рукой не схватишь сон.
Сон пришел, и сон ушел, лови его.
Чур меня! Хотенье сердца не мертво.
Знаю я, Чурило Пленкович красив,
С ним целуются, целуются, он жив.
И сейчас он улыбаяся идет,
Пред лицом своим подсолнечник несет.
Расцветается подсолнечник-цветок,
Чтобы жар лицо красивое не сжег.

МИКУЛА СЕЛЯНИНОВИЧ

Ай же ты, Микула Селянинович, Мужик,
Ты за сколько тысяч лет к земле своей привык?
Сколько долгих тысяч лет ты водил сохой?
Век придет, и век уйдет, вечен образ твой.
Лошадь у тебя была, некрасна на вид,
А взметнется да заржет, облако гремит.

Ходит, ходит, с бороздой борозда дружна.
Светел Киев, – что мне он? Пашня мне нужна.
Сколько долгих тысяч лет строят города,
Строят, нет их, – а идет в Поле борозда.
И Микула новь святит, с пашней говорит,
Ель он вывернул, сосну, в борозду валит.
Ехал тут какой-то князь, витязь, что ли, он,
Подивился, посмотрел, – гул в земле и стон.
«Кто ты будешь?» говорит. «В толк я не возьму.
Как тебя, скажи, назвать?» говорит ему.
А Микулушка взглянул, лошадь подхлестнул,
Крикнул весело, – в лесу стон пошел и гул.
На нарядного того поглядел слегка,
На таких он чрез века смотрит свысока.
«Вот как ржи я напахал, к дому выволочу,
К дому выволочу, дома вымолочу.
Наварю гостям я пива, кликнут гости в торжество:
Век крестьянствовать Микуле, мир – его, земля – его!»

ИСПОЛИН ПАШНИ

Исполин безмерной пашни,
Как тебя я назову?
– Что ты, бледный? Что, вчерашний?
Ты во сне, иль наяву?
Исполин безмерной нивы,
Отчего надменный ты?
– Не надменный, не спесивый,
Только любящий цветы.
Исполин безмерной риги,
Цвет и волос люб и мне.
– Полно, тень прочтенной книги,
Отойди-ка к стороне.

ДВЕ РЕКИ

Я видел всю Волгу во время разлива,
От самых истоков
До Каспия гордого, чей хорош изумруд.
О, Волга повсюду красива,
В самом имени светлой царицы так много намеков,
И ее заливные луга, расцветая, победно цветут.
Это – гордость Славян, это – знаменье воли для вольных,
Для раздольных умов, теснотой недовольных.
Волга, Волга, воспетая тысячи раз,
Ты качала, в столетьях, мятежников, нас.

Ты, царица всех рек, полновластно красива,
Как красив, ставший звучною былью, разбой,
Как красива гроза в высоте голубой.
Но желанней мне кротко-шуршащая желтая нива
Над родною Владимирской тихой рекою Окой.
И да памятно будет,
Что над этой рекою рожден был любимец веков,
Кто в былинных сердцах – и еще – много песен пробудит,
Сильный, силы не раб, исполинский смиренник лесов.
Тот прекрасный меж витязей всех, богатырь справедливый,
Кто один не кичился могучею силой своей,
И на подвиги вскормленный скудной нивой,
Был за тех, чья судьба – ждать и ждать хлебоносных стеблей.
Как заманчив он был, когда с сильным и наглым схватился,
И, его не убив, наглеца лишь взметнул в вышину,
И упавшего сам подхватил, чтобы тот не убился,
Но вперед научился не силу лишь ведать одну.
Как заманчив он был и другой. Соловья победитель,
Разметавши надменных с их Киевской гриднею той,
Кроткий, мог он восстать, как разгневанный мечущий мститель,
Мог быть тихой рекой, и разливной рекою Окой.
И заманчив он был, как, прощаясь с родною рекою,
Корку черного хлеба пустил он по водам ее,
И вскочил на коня, в три прыжка был он с жизнью иною,
Но в нарядностях дней не забыл назначенье свое.

ХВАЛА ИЛЬЕ МУРОМЦУ

Спавший тридцать лет Илья,
Вставший в миг один,
Тайновидец бытия,
Русский исполин.
Гений долгих вещей снов,
Потерявших счет,
Наших Муромских лесов,
Топей и болот.
Гений пашни, что мертва
В долгой цепи дней,
Но по слову вдруг жива
От любви лучей.
Гений серой нищеты,
Что безгласно ждет,
До назначенной черты,
Рвущей твердый лед.
Гений таинства души,
Что мертва на взгляд,
Но в таинственной тиши
Схоронила клад.
Спавший тридцать лет Илья

Был без рук, без ног,
Шевельнувшись, как змея,
Вдруг быть сильным мог.
Нищий нищего будил,
Мужика мужик,
Чарой слабому дал сил,
Развязал язык.
Был раздвинут мощный круг
Пред лицом калек,
Великан проснулся вдруг,
Гордый человек.
Если б к небу от земли
Столб с кольцом воткнуть,
Эти руки бы могли
Мир перевернуть.
Будь от неба до земли
Столб с золотым кольцом,
По-иному бы цвели
Здесь цветы кругом.

Спавший тридцать лет Илья,
Ты поныне жив,
Это молодость твоя
В шелестенье нив.
Это Муромский твой ум,
В час когда в лесах
Будят бури долгий шум,
Говорят в громах.
Между всеми ты один
Не склонил лица,
Полновольный исполин.
Смелый до конца.
До конца ли? Без конца.
Ибо ты – всегда.
От прекрасного лица
Вот и здесь звезда.
Вознесенный глубиной,
И вознесший – лик,
Мой Владимирец родной,
Муромский мужик.

ОТШЕСТВИЕ МУРОМЦА

Муромец Русскую землю прошел,
Ветер идет так смарагдами бора,
Видел бесчисленность градов и сел,
Обнял их ласкою взора.
Жизнь он прошел из предела в предел,
Видел могучих, и видел бессильных,

Много безвестного он подглядел,
В мире, на торжищах пыльных.
Муромец силу свою развернул,
Попил довольно с хмельною он голью,
В думах притихших расслышал он гул,
Тесных бросал он к раздолью.
Всех он сермяжных в пути защитил,
Важных смириться он властно заставил,
Дикую схватку враждующих сил
Он к равновесью направил.
Дух свой предавши Полярной Звезде,
Той, что в сказаньях зовется Судьбою,
Был предрешенно он верным везде,
Брал недоступность без бою.
Муромец полюс и полюс узнал.
Будет. Пришел к Океану морскому.
Сокол-корабль колыхался там, ал. –
Смелый промолвил: «К другому».
Сел на червлёный корабль, и ушел
Прочь от пройденной земли, не жалея.
Гнался за Соколом Сизый-Орел,
Сокол Орла был быстрее.
Где он? Доныне ль в неузнанном Там?
Синею бездной, как в люльке, качаем?
Снова ль придет неожиданно к нам?
Песня гадает. Не знаем.

ЦЕЛЕБНАЯ КРИНИЦА

Конь Ильи копытом звонким бьет, рождается криница,
Ключ лесной освободился из подземного жерла.
Сам Илья в тот миг стремился, улетал в простор как птица,
А целебная криница до сих пор в лесах светла.
Он летел, не размышляя о зиждительности бега,
Без мышленья сердцем зная, как Свобода хороша.
И доныне среброводна освежительная нега,
И поет хрустальность в чащах: Приходи испить, душа.

КАПЛЯ КРОВИ

Красавица склонилась,
Шумит веретено.
Вещанье совершилось,
Уж Ночь глядит в окно.
Светлянка укололась,
И приговор свершен.

Красив застывший волос,
Красив глубокий сон.
От одного укола,
Как будто навсегда,
Кругом заснули села,
Притихли города.
Притихли и застыли,
И все слилось в одно.
Везде, в безгласной быти,
Глядится Ночь в окно.
Всем миром овладела
Ночная тишина.
И как немое тело,
Глядит на мир Луна.
Красавица склонилась,
Молчит веретено.
Решенье совершилось,
Так было суждено.
Но капля в ранке малой,
Сверкнув огнем во мглу,
Как цвет упала алый,
И светит на полу.

И нежный свет не тает,
Алеет все сильней.
Шиповник расцветает,
Весь в призраках огней.
Как куст он встал вокруг злого
Того веретена.
В молчанье сна ночного
Разросся до овна.
Сияя алым цветом,
Растет он как пожар.
И в мире, мглой одетом,
Слабеют ковы чар.
Сперва цветы проснулись,
Пошел в деревьях гул.
И дети улыбнулись,
Святой старик вздохнул.
И лебеди запели
На зеркале озер.
Всемирной колыбели
Вдруг ожил весь простор.
И вот, на счастье наше,
Глядится День в окно.
Еще Светлянка краше,
Шумит веретено.

ПЕРЕД ЦВЕТНЫМ ОКОНЦЕМ

На море Океане есть остров Красота,
Сидят в резной избушке три дочери Христа.

Перед цветным оконцем шьют молча три сестры.
Гора там есть, в остры уступы у горы.

И если кто восхочет к заманчивой черте,
Он больно режет ноги в той вольной высоте.

Не смотрят – видят сестры, и старшая сестра
Берет иглу булатну, и говорит: «Пора».

Берет иглу булатну, нить шелкову притом,
И вышивает гору на Море голубом.

Потом сестре средней передает тот плат,
Встает на нем дорога: пойдешь – нельзя назад.

И плат берет узорный тут младшая сестра,
И алым расцветает узором вся гора.

В те самые минутки как расцветает плат,
У путника на высях светло глаза горят.

От ран ему не больно, не льется больше кровь,
А брызнет, так немедля в цветках зажжется вновь.

И год идет за годом, и ропщет Океан,
Но остров тот не гибнет, с богатством горних стран.

И с самого рассвета до поздней до поры,
Перед цветным оконцем шьют молча три сестры.

ОГНЕННОЙ РЕКОЮ

Из Арабских дальних стран
К нам придя в своем скитанье,
Руссов древних Ибн-Фоцлан
Вопрошал о сожиганье.

Почему, когда простор
Здесьней жизни Руссом смерян,
Труп кладут они в костер,
В огонь, что силой достоверен?

Потому, гласил ответ,
Что, вступивши в яркий пламень,
Возрожден, как цвет и свет,

Мрак железа, мертвый камень.

Потому, ответ гласил,
Что земному подобает
Побывать в жару горнил,
Там, где все перекипает.

Да, земные телеса
Аки Солнце просветятся,
Перед тем как в Небеса
В царство Солнца возвратятся.

Искушенные огнем,
Разлученные с тоскою,
Поплывут в свой Отчий Дом,
Ярко-огненной рекою.

САЛАМАНДРА

Меж берегов есть брег Скамандра,
Что живет в умах века.
Меж зверей есть саламандра,
Что к бессмертию близка.
Дивной силой мусикийской
Вброшен в жизнь который год.
Этот зверь в стране Индийской
Ярким пламенем живет.
Разожги костер златистый,
Саламандру брось в него, –
Меркнет вдруг восторг огнистый,
Зверь живет, в костре – мертво.
Так и ты, коль Дьявол черный
В блеск любви введет свой лик,
Вспыхнешь весь во лжи узорной,
А любовь – погаснет вмиг.

ТРАВА-КОСТЕР

Есть трава – растет
Возле тихих рек.
И не каждый год
Та трава цветет,
А когда придет
Человек.

Рост ее – стрела,

И красив узор.
Та трава была
Много раз светла,
Снова расцвела,
Как костер.

И горит огонь
Возле тихих рек.
Мчится красный конь,
Ржет, поет: Не тронь,
Ее хватай огонь,
Человек.

С ржаньем конь скакал,
Убежал в простор.
Ярко промелькал.
Был расцветно-ал,
Возле рек сверкал
Цвет-костер.

И светла была
Влага тихих рек.
В мире весть прошла,
Что трава цвела: –
Был здесь, в мире зла,
Человек.

БЛЕДНЫЕ ЛЮДИ

Я людей повстречал на степи неоглядной,
В беспредельном скитанье своем,
У костра, в час Луны предрассветно-прохладной,
Нисходившей небесным путем.

Трепетанья костра горячо расцветчали
Бледнолицых печальных людей,
И рыдания флейт, в их напевной печали,
Разносились по шири степей.

Я спросил их, о чем эти звонкие стоны,
И ответил один мне из них:
«В наших песнях поют и скорбят миллионы,
Миллионы существ нам родных».

Как лунатик влеком междузвездным пространством,
Я ушел, год промчался, как сон,
Я ходил, и повторных шагов постоянством
Снова был к их костру приведен.

В час ночной, бледнолицые люди смотрели
На рубин, возникавший с огнем,
И, как прежде, рыдали и пели свирели,
Ночь тревожа под Млечным Путем.

Начинала свирель, повторяла другая,
Третья, сотая, тысячный бред,
Точно пела и плакала бездна морская.
Я спросил – и услышал ответ.

«Вы всегда ли в степи? И всегда ли вы в горе?»
И как будто бы хрустнула цепь: –
«Мы Славяне, мы вечно тоскуем о Морс,
Потому так и любим мы степь».

Как безумный, опять я ушел на расстанья,
Как лунатик, закрывши глаза.
Вновь пришел. Вновь костер. Вновь певучесть рыданья.
Вечер. Молния. Алость. Гроза.

Степь и небо в огне. Мир в раскатах и в гуле.
«Смерть иль жизнь?» я шепнул, как во сне.
На меня бледнолицые только взглянули,
Лишь свирели ответили мне!

ВАНДА

Ванда, Ванда, Дева Польши, уж сведен с минувшим счет,
Светлый призрак в глубь принявши, Висла медленно течет.

Твой отец, о, Панна Влаги, был властитель Польши, Крак,
Он убил смолою Змия. Подвиг тот случился так.

Змий Вавель, в горе пещерной, извиваясь был в гнезде,
Истреблял людей и нивы, изводил стада везде.

Мудрый Крак, чтоб искушен был Змий Вавель, хититель злой,
Начинил бычачьи шкуры липко-черною смолой.

Близ пещеры, где чернела та змеиная нора,
Встали чудища бычачьи, началась в горах игра.

Змий Вавель бычачьи шкуры пастью жадною пожрал,
И внутри воспламенился, и, безумствуя, сгорал.

И сгорел, пробив ущелье. Спас свою отчизну Крак.
Город Краков именитый есть лишь дней минувших знак.

Дочь такого-то героя Ванда стройная была.

Как была она надменна, как была она светла!

Много витязей хотело Деву Польскую пленить,
Мысль ничья ей не сумела золотую выткать нить.

Ванда, в день когда раскрылся красоты ее цветок,
На себя взглянула утром в протекающий поток.

И сказала: «Разве может рядом с золотом быть медь?
Нет достойного мужчины – Польской Панною владеть».

И молва о светлоглазой прогремела там вдали,
В край ее, из стран далеких, Алеманы подошли.

Алеманский повелитель, пышнокудрый Ритогар,
Красотою Ванды взятый, пленник был всевластных чар.

И отправились к ней дважды, трижды к ней послы пришли,
Но привета Ритогару в сердце Девы не нашли.

Бранный клич тогда раздался, – нет добра, будь гений зла,
Вся дружина Алеманов копьа длинные взяла.

Но, хоть длинны, не достали, но, хоть остры, нет копьа,
Ты была сполна красива, – Ванда, власть сполна твоя.

Вся дружина Алеманов, Ванду видя пред собой,
Пораженная как Солнцем, отступила, кончен бой.

Кликнул вождь: «Да будет Ванда на земле и в сне морском!
Ванда в воздухе!» воскликнув, поразил себя мечом.

И свершилось чарованье, отошла звезда к звезде,
Ванда всюду, звездность всюду, на земле и на воде.

Устремившись в воды Вислы, Ванда там – в текучем сне,
Светлый взор ее колдует Польским судьбам в глубине.

Песня в воздухе над Вислой да не молкнет никогда,
Как победный образ Ванды жив, пока течет вода.

ЕЛЕНА-КРАСА

В некотором царстве, за тридевять земель,
В тридесятом государстве – Ой звучи, моя свирель! –
В очень-очень старом царстве жил могучий сильный Царь,
Было это в оно время, было это вовсе встарь.
У Царя, в том старом царстве, был Стрелец-молодец,
У Стрельца у молодого был проворный конь,

Как пойдет, так мир пройдет он из конца в конец,
Погонись за ним, уйдет он от любых погонь.
Раз Стрелец поехал в лес, чтобы потешить ретивое,
Едет, видит он перо из Жар-Птицы золотое,
На дороге ярко рдеет, золотой горит огонь,
Хочет взять перо – вещает богатырский конь:
«Не бери перо золотое, а возьмешь – узнаешь горе».
Призадумался Стрелец,
Размышляет молодец,
Взять – не взять, уж больно ярко, будет яхонтом в уборе,
Будет камнем самоцветным. Не послушался коня.
Взял перо. Царю приносит светоносный знак Огня.
«Ну, спасибо», Царь промолвил, «Ты достал перо Жар-Птицы,
Так достань мне и невесту по указу Птицы той,
От Жар-Птицы ты разведай имя царственной девицы,
Чтоб была вступить достойна в царский терем золотой!
Не достанешь – вот мой меч,
Голова скатится с плеч».
Закручинился Стрелец, пошел к коню, темно во взоре.
«Что, хозяин?» – «Так и так», мол. – «Видишь, правду я сказал:
Не бери перо золотое, а возьмешь – узнаешь горе.
Ну, да что ж, поедем к краю, где всегда свод Неба ал.
Там увидим мы Жар-Птицу, путь туда тебе скажу.
Так и быть уж, эту службу молодому сослужу».

Вот они приехали к садам неземным,
Небо там сливается с Морем голубым,
Небо там алеет невянущим огнем,
Полночь ослепительна, в полночь там как днем.
В должную минутку, где вечный цвет цветет,
Конь заржал у Древа, копытом звонким бьет,
С яблоками Древо алостью горит,
Море зашумело, Кто-то к ним летит.
Кто-то опустил, жар еще сильнее,
Вся игра зарделась всех живых камней.
У Стрельца закрылись очи от Огня,
И раздался голос, музыкой звеня.
Где пропела песня? В сердце иль в саду?
Ой свирель, не знаю! Дальше речь веду.

Та песня пропела: «Есть путь для мечты.
Скитанья мечты хороши.
Кто хочет невесты для светлой души,
Тот в мире ищи Красоту».
Жар-Птица пропела: «Есть путь для мечты.
Где Солнце восходит, – горит полоса,
Там Елена-Краса золотая коса.
Та Царевна живет там, где Солнце встает,
Там где вечной Весне сине Море поет».

Тут окончился звук, прошумела гроза,
И Стрелец мог раскрыть с облегченьем глаза: –

Никого перед ним, ни над ним,
Лишь бескрайность Воды, бирюза, бирюза,
И рубиновый пламень над сном голубым.

В путь, Стрелец. Кто Жар-Птицу услышал хоть раз,
Тот уж темным не будет в пути ни на час,
И найдет, как находятся клады в лесу,
Ту царевну Елену-Красу.
Вот поехал Стрелец, гладит гриву коня,
Приезжает он к вечно-зеленым лугам,
Он глядит на рождение вечного дня,
И раскинул шатер-златомаковку там.
Он расставил там яства и вина, и ждет.
Вот по синему Морю Царевна плывет,
На серебряной лодке, в пути голубом,
Золотым она правит веслом.
Увидала она златоверхий шатер,
Златомаковкой нежный пленяется взор,
Подплыла, и как Солнце стоит пред Стрельцом,
Обольщается тот несказанным лицом.
Стали есть, стали пить, стали пить, и она
От заморского вдруг опьянела вина,
Усмехнулась, заснула – и тотчас Стрелец
На коня, едет с ней молодец.
Вот приехал к Царю. Конь летел как стрела,
А Елена-Краса все спала да спала.
И во весь-то их путь, золотою косой
Озарялась Земля, как грозой.
Пробудилась Краса, далеко от лугов,
Где всегда изумруд расцветать был готов,
Изменилась в лице, ну рыдать, тосковать,
Уговаривал Царь, невозможно унять.

Царь задумал венчаться с Еленой-Красой,
С той Еленой-Красой золотою косой.
Но не хочет она, говорит среди слез,
Чтобы тот, кто ее так далеко завез,
К синю Морю поехал, где Камень большой,
Подвенечный наряд там ее золотой.
Подвенечный убор пусть достанет сперва,
После, может быть, будут другие слова.
Царь сейчас за Стрельцом, говорит: «Поезжай,
Подвенечный наряд Красоты мне давай,
Отыщи этот край – а иначе, вот меч,
Коротка моя речь, голова твоя с плеч».
Уж не вовсе ль Стрельцу огорчаться пора?
Вспомнил он: «Не бери золотого пера».
Снова выручил конь: перед бездной морской
Наступил на великого рака ногой,
Тот сказал: «Не губи». Конь сказал: «Пощажу.
Ты зато послужи». – «Честью я послужу».
Диво-Рак закричал на простор весь морской,

И такие же дива сползлись гурьбой,
В глубине голубой из-под Камня они
Чудо-платье исторгли, блеснули огни.
И Стрелец-молодец подвенечный убор
Пред Красой положил, но великий упор
Тут явила она, и велит наконец,
Чтоб в горячей воде искупался Стрелец.
Закипает котел. Вот беда так беда.
Брызги бьют. Говорит, закипая, вода.
Коль добра ты искал, вот настало добро.
Ты бери – не бери золотое перо.
Испугался Стрелец, прибегает к коню,
Добрый конь-чародей закликает огню
Не губить молодца, молодого Стрельца,
Лишь его обновить красотою лица.
Вот в горячей воде искупался Стрелец,
Вышел он невредим, вдвое стал молодец,
Что ни в сказке сказать, ни пером написать.
Тут и Царь, чтобы старость свою развязать,
Прямо в жаркий котел. Ты желай своего,
Не чужого. Погиб. Вся тут речь про него.
А Елена-Краса золотая коса –
Уж такая нашла на нее полоса –
Захотела Стрельца, обвенчалась с Стрельцом,
Мы о ней и о нем на свирели поем.

СЕВЕРНЫЕ

Мы поем о Скандинавах. Точно, смелы Скандинавы.
Много грабили, все к Югу шли они от белых льдов.
И на Западе далеко свет нашли широкой славы,
Предвосхитили Колумба за четыреста годов.

Меж таких пределов разных, как глухое Заонежье
И Атлантика с Винландом, светлый Киев и Царьград,
Чайки Норги пролетели лабиринты побережья,
И о викинггах доныне волны моря говорят.

Даже в эту современность, Скальд седой и величавый
Опрокинул все оплоты мелкомыслящих людей,
Показал, припомнив древность, что не меркнут Скандинавы,
Башня Сольнеса надменна, Майя – в зареве страстей.

Гордым воронам – хваленье. Скандинавам память наша
Вознесет охотно песню, светел Один, мощен Тор.
Но да вспенится разгульно и еще другая чаша,
В честь Славян, и в честь Перуна, знавших, знающих простор.

Разметать чужие риги, растоптать чужие гумны

Люди Севера умели, как и мы, пьянясь бедой.
Но пред нами ль будут падать – Тайновидец наш безумный.
И кудесник Русской речи, Песнопевец наш златой!

Прикоснувшись к Преступленью, мы раздвинули границы,
Перебросив дерзновенье до истоков Божества.
Мы в степях бежим как кони, мы в степях летим как птицы,
Посягнувши, посягаем, знаем вещие слова.

И любиться, целоваться кто умеет, как Ярило?
В благородстве и в размахе превзошел ли кто Илью?
Честь и слава Скандинавам! Да шумит в морях ветрило!
Честь Славянам! Пью за Север, пью за Родину мою!

ЖИВАЯ ВОДА

Богатыри родные,
В вас светят небеса,
В вас водные, степные,
Лесные голоса.

Вы детство укачали,
Как зимняя метель
Качает в снежной дали
Загрезившую ель.

Вы в отрочестве жили
Как отсвет вечных сил,
Как стебель давней были,
Который тьму пробил.

Вы юность обвенчали
С нарядною мечтой,
С глубинностью печали,
С улыбкой золотой.

Когда мечта хотела
Быть в яркой зыби дней,
Вы поглядели смело,
Жар-Птицу дали ей.

Когда в затон мечтанья
Вошла, как тень, печаль,
Вы сделали страданье
Прозрачным, как хрусталь.

Мгновенья потонули,
Но, жезл подъявши свой,
Вы молодость вернули,

И смех, с водой живой.

И где сошлись дороги,
Ваш образ – как звезда.
Богатыри, вы боги,
Вам жить и жить всегда.

ТЕНИ БОГОВ СВЕТОГЛАЗЫХ

Знак: изумруд

Если ехидна глядит на изумруд,
слепнут у ней глаза.
Разэс, врач Арабский

ЧЕТВЕРОКРАТНОСТЬ

Зорко глядит Световит,
Из Арконы взирает он вдаль,
В драгоценных камнях. Чаровническим светом горит
Изумруд, хризолит, и карбункул, и горный хрусталь.
На четыре конца мировых
Зеленей, жизнь людей,
Хризолитной мечтой во влюблениях искрись людских,
И рубиновым, алым, червленым огнем, разгорайся, любись,
Золотись,
А печалиться станешь, так пусть и печаль,
В глуби вольной твоей,
В глубине, загадавших о многом, Славянских очей,
Будет светлой, как горный хрусталь.

СЛАВЯНСКОЕ ДРЕВО

Корнями гнездится глубоко,
Вершиной восходит высоко,
Зеленые ветви уводит в лазурно-широкую даль.
Корнями гнездится глубоко в земле,
Вершиной восходит к высокой скале,
Зеленые ветви уводит широко в безмерную синюю даль.
Корнями гнездится глубоко в земле, и в бессмертном подземном огне,
Вершиной восходит высоко-высоко, теряясь светло в вышине,
Изумрудные ветви в расцвете уводит в бирюзовую вольную даль.
И знает веселье,

И знает печаль.
И от Моря до Моря раскинув свои ожерелья,
Колыбельно поет над умом, и уводит мечтание в даль.

Девически вспыхнет красивой калиной,
На кладбище горькой зажжется рябиной,
Взнесется упорно как дуб вековой.
Качаясь и радуясь свисту метели,
Растянется лапчатой зеленью ели,
Сосной перемолвится с желтой совой.
Осиною тонкой как дух затрепещет,
Березой засветит, березой заблещет,
Серебряной ивой заплачет листвою.
Как тополь, как факел пахучий, восстанет,
Как липа июльская ум затуманит,
Шепнет звездоцветно в ночах как сирень.
И яблонью цвет свой рассыплет по саду,
И вишеньем ластится к детскому взгляду,
Черемухой нежит душистую тень.
Раскинет резьбу изумрудного клена,
И долгою песней зеленого звона
Чарует дремотную лень.

В вешней роще, вдоль дорожки,
Ходит легкий ветерок.
На березе есть сережки,
На беляне сладкий сок.

На березе белоствольной
Бьются липкие листки.
Над рекой весенней, вольной
Зыбко пляшут огоньки.

Над рекою, в час разлива,
Дух узывчивый бежит.
Ива, ива так красива,
Тонким кружевом дрожит.

Слышен голос ивы гибкой,
Как, русалочий напев,
Как протяжность сказки зыбкой,
Как улыбка водных дев: —

Срежь одну из веток стройных,
Освяти мечтой Апрель,
И, как Лель, для беспокойных,
Заиграй, запой в свирель.

Не забудь, что возле Древа
Есть кусты и есть цветки,
В зыбь свирельного напева
Все запутай огоньки,

Все запутай, перепутай,
Наш Славянский цвет воспой,
Будь певучею минутой,
Будь веснянкой голубой.

И все растет зеленый звон,
И сон в душе поет: –
У нас в полях есть нежный лен,
И люб-трава цветет.
У нас есть папорот-цветок,
И перелет-трава.
Небесно-радостный намек,
У нас есть синий василек,
Вся нива им жива.
Есть подорожник, есть дрема,
Есть ландыш, первоцвет.
И нет цветов, где злость и тьма,
И мандрагоры нет.
Нет тяжких кактусов, агав,
Цветов, глядящих как удав,
Кошмаров естества.
Но есть ромашек нежный свет,
И сладких кашек есть расцвет,
И есть плавун-трава.

А наш пленительник долин,
Светящий нежный наш жасмин,
Не это ль красота?
А сну подобные цветы,
Что безымянны, как мечты,
И странны, как мечта?

А наших лилий водяных,
Какой восторг заменит их?
Не нужно ничего.
И самых пышных орхидей
Я не возьму за сеть стеблей
Близ древа моего.

Не все еще вымолвил голос свирели,
Но лишь не забудем, что круглый нам год,
От ивы к березе, от вишенья к ели,
Зеленое Древо цветет.

И туча протянется, с молнией, с громом,
Как дьявольский омут, как ведьмовский сглаз,
Но Древо есть терем, и этим хоромам
Нет гибели, вечен их час.

Свежительны бури, рожденье в них чуда,
Колодец, криница, ковер-самолет.

И вечно нам, вечно, как сон изумруда,
Славянское Древо цветет.

СВАРОГ

Небо, носящее имя Сварога,
Небо, верховная степь голубая,
Небо, родившее Солнце, Дажьбога,
Как хорошо ты в ночах, засыпая.

Искрятся звезды, судеб ваших свечи,
Камни горят, что всегда самоцветны,
С душами ждут светозарности встречи,
С душами могут ли быть безответны.

Небо, носящее имя Сварога,
Бездна верховная, глубь голубая,
Каждую ночь мы стоим у порога,
В час как уходит Дажьбог, засыпая.

День в голубые отходит пустыни,
День наш со свитой несчетных явлений,
Свечи судеб засветились и ныне,
Будем в безгласности ждать откровений.

Небо, носящее имя Сварога,
Звезды раскинулись к краю от края,
Сердце, как радостно чувствовать Бога,
Сердце, ты мысль не обманешь, я знаю.

РУЕВИТ

У Руевита семь мечей
Висит, в запас, в ножнах.
У Руевита семь мечей,
Восьмой в его руках.

У Руевита семь есть лиц,
Что зримы над землей.
А для богов, певцов, и птиц
Еще есть лик восьмой.

У Руевита семь есть дней,
Чтоб праздновать расцвет.
А день восьмой есть день огней,
Есть день резни и бед.

У Руевита семь ночей
Для игрищ и любви.
У Руевита семь мечей,
Чтоб их омыть в крови.

ЯРИЛО

В венке из весенних цветов,
Цветов полевых,
Овеян вещаньями прошлых веков,
В одеждах волнистых, красиво-живых,
На белом коне,
Тропою своей,
Я еду, Ярило, среди Белорусских полей,
И звездные росы сияют на мне,
Погаснут, и снова зажгутся светлей,
Под рокот громов,
В венке из весенних цветов,
Цветов полевых.

По селам, за мной, хороводами, девы,
«Ярило», поют, «озари нам напевы».
Яриле слагают свой стих,
Играют мне песни, на игрищах пляшут,
Сердца расцветают в миг пляски мирской,
Там где-то работают, где-то там пашут,
А игрища – в уровень с белой сохой.
Горсть желтых колосьев, колосья ржаные,
Я левой рукою держу,
И маки горят, васильки голубые
Роняю я в рожь, расцветая между.

По селам, в их избах, и тесных, и узких,
В полях беспредельных, по имени – Русских,
Являюсь я взору, и грезе во сне,
Я между живых – как дающий забвенье,
Для них – я виденье
На белом коне,
Миг страсти, бог счастья, бог отдыхов пленных,
И вновь пробуждений и игрищ живых,
В венке из весенних цветов, не надменных,
Но вечно-желанных цветов полевых.

БОГИНЯ ГРОМОВНИЦА

Девница волшебная, богиня Громовница,
Моя полюбовница
Лежала в гробу.
И ветры весенние плакали жалостно,
И с воплями, яростно,
Играли на флейтах, и дули в трубу.

Покойница юная – о, с косами русыми,
И с рдяными бусами
На шее своей –
Белела застылая, словно дремотная
Купава болотная,
Что еле раскрылась среди камышей.

Девница волшебная, богиня Громовница,
Душа-полюбовница,
Ты крепко ли спишь?
Ужели ты вновь не исполнишься силою
Пред богом Ярилою,
Не вспрянешь со смехом, разрушивши тишь?

Проснулась, проснулась ты! Я молньями рдяными
Взмахнул над туманами,
О, слава мечу!
Какая ты светлая с этими маками,
Ты мчишься над мраками,
Ворчат твои громы, рычат они. Чу!

РАДУГА

Радуга – лук,
Из которого Индра пускает свои громоносные стрелы.
Кто в мире единый разведает звук,
Тот услышит и все семизвучье, раздвинет душой звуковые пределы,
Он войдет в восьмизвучье, и вступит в цветистость,
Где есть фиолетовый полюс и белый,
Он услышит всезвучность напевов, рыданий, восторгов, молений, и мук.
Радуга – огненный лук,
Это – оружие Перуна,
Бога, который весь мир оживляет стрелой,
Гулко поющей над майской, проснувшейся, жадной Землей,
Лук огневого Перуна,
Бога, в котором желание жизни, желание юности вечно и юно.
Радуга – мост, что в выси изогнулся дугой,
Мост, что в разбеге, над бурей влажной и жаркой,
Свежей при молниях, выгнулся праздничной аркой,
Словно павлин,
Исполин,
В радости яркой,

Вдруг распустил в Небесах расцветенный свой хвост,
Словно Жар-Птица над миром раскрыла кометный свой хвост,
В радости яркой
От свежей игры самоцветных дождей.
Радуга – мост,
Радуга – Змей,
Пояс цветной из играющих звезд,
Царский убор из небесных лучей,
Божий престол,
Божий алтарь для возженья неузнанных дней,
Праздник весеннего Агни над мирностью пашен и сел,
Радуга – звук,
Претворившийся в свет,
Радуга – Ветхий Завет,
В Новом несозданном Храме живущий как знак избавленья от временных мук.
Слово, в котором несчетность значений, число, для которого имени нет,
Радуга – звук,
Вплотившийся в пламенный цвет.

СТРИБОГОВЫ ВНУКИ

Ветры, Стрибоговы внуки,
Прносясь по безмерным степям,
Разметали захватисто, цепкие, меж трав шелестящая,
Кому-то грозящая,
Бледные руки,
Стонут, хохочут, свистят, шелестят, шепчут соблазны
Громам.

«Где же вы, громы?
Судьбы нам разны.
Где вы там громы? Вам незнакомы
Вольные шири степей.
Слава идет, что вы будто гремите,
Где уж вам! Спите!
Это лишь ветры, лишь мы шелестим, убегая по воле скорей и скорей.
Степь пробежим мы, всю степь мы измерим,
С хохотом, топотом, вторгнемся в лес,
Сосны разметаны, травы все спутаны. Что ж, не хотите спуститься с Небес?
Где уж вам! Что уж вам! Мы только носимся,
В Небо влетим, никого там не спросимся,
Рухнем на Море, поднимем волну,
Свистнем, – в другую страну.
В ночь колдовскую загадкой глядим,
Снег поднимаем, и носимся с ним.
Пляшем под крышей с соломой сухой,
В душу бросаем и хохот и вой.
Нежною флейтою душу пьядим,
Бешеной кошкою вдруг завизжим.

Ведьмы смеются, услышавши нас,
Знают, что вот он, отгадчивый час.
Вмиг мы приносимся, вмиг мы уносимся,
Входим где нужно, не молим, не просимся.
Снова по прихоти мчимся своей,
Эй вы, просторы степей,
Ветры мы, ветры, Стрибоговы внуки,
Дайте нам петь и плясать веселей,
Мы ведь не серою тучей влекомы,
Нет,
Мы ведь не громы,
Наши все земли и наш небосвод,
Мраки и свет,
Прямо летим мы – и вдруг поворот,
Мы ведь не громы.
Небо? Да мы не считаемся с ним,
Если чего мы хотим, так хотим!»

Вдруг в Небесах разорвались хоромы,
Башнями, храмами взнесшихся, туч,
Это за громы обижен, гремуч,
В беге блистателен,
В гневе певуч,
В красках цветист, в торжестве обаятелен,
Молнией дымный чертог свой порвав
С тьмой, с тучевыми его водоемами,
Молнии бросив на землю изломами,
Ярый Перун, не сдержавши свой нрав,
Выпустил гневности: «Вот вам дорога,
Громы, задели вас внуки Стрибога,
Вот же им факелы трав!
Малые, юные, дерзкие, злые,
Ветры степные,
Есть и небесным услада забав!
Мы не впервые
Рушим созданья небесных зыбей.
Люб ли пожар вам, горенье степей?
Любы ли вам громогудные звуки?
Громы гремят!»

Но Стрибоговы внуки.

Выманив тайну, вметнув ее в быль,
Рдяный качая горящий ковыль,
С свистом, с шипеньем, змеиным, хохочущим,
Струйно-рокочущим,
Дальше уносятся, дальше уносятся, следом клубится лишь пыль.

СТИХ О ВЕЛИЧЕСТВЕ СОЛНЦА

Величество Солнца великие поприща в Небесах пробегает легко,

Но малым нам кажется, ибо в далекости от Земли отстоит высоко.

Одежда у Солнца с короною – царские, много тысяч есть Ангелов с ним,
По вся дни хожду с ним, егда же зайдет оно, есть и отдых одеждам златым.

Те Ангелы Божии с него совлекают их, на Господень кладут их престол,
И на ночь три Ангела у Солнца останутся, чтоб в чертог его – враг не вошел.

И только что к Западу сойдет оно, красное, это час есть для огненных птиц,
Нарицаемых финиксы и ксалавы горючие, упадают, летучие, ниц.

Пред Солнцем летят они, и блестящая крылья в океанской макают воде,
И кропят ими Солнце, да жаром пылающим не спалит поднебесность нигде.

И егда от огня обгорает их перие, в океан упадают они,
В океане купаются, и в воде обновляются, снова светлы на новые дни.

И едва в полночь от престола Господняго двигнет Ангел покров и венец,
Петел тут пробуждается, глас его возглашается, из конца поднебесной в конец.

И до света свершается эта песнь предрассветная, от жилищ до безлюдных пустынь.
Бог-Творец величается, радость в мир возвещается, радость темным и светлым. Аминь.

СВАДЬБА МЕСЯЦА

Как женился Светлый Месяц на Вечерней на Звезде,
Светел праздник был на Небе, светел праздник на Воде.

Страны облачны простерли серебристое руно,
Океан восколебался, перстень с Неба пал на дно.

До Земли лучи тянулись, и качалась трава,
В горних высях собирались все святые божества.

Молния дары делила: тучи взял себе Перун,
Лель-Любовь с Красною-Ладой взяли звоны светлых струн.

Бог Стрибог себе взял ветры, ими приказывал играть,
И под рокот Океана разыгралась эта рать.

Световит, хоть и дневной он, посаженным был отцом,
Новобрачных он украсил золотым своим кольцом.

Синеокая Услава получила тихий час,
Светлый час самозабвенья, с негой влажных синих глаз.

Океанская бескрайность ткала зыбь в морских звездах,
Чудо Моря, Диво-Рыба колыхалась на волнах.

И Русалки разметались в белых плясках по воде,
И в лесах шептались травы, лунный праздник был везде.

В тот всемирный звездный праздник возвещала высота,
Что с Вечернею Звездою будет век дружить мечта.

Тот всемирный лунно-звездный, светлый праздник возвещал,
Что навеки в новолунье будет в Море пьяным вал.

ПЕРУН

У Перуна рост могучий,
Лик приятный, ус златой,
Он владеет влажной тучей,
Словно девой молодой.

У Перуна мысли быстры,
Что захочет – так сейчас,
Сыплет искры, мечет искры
Из зрачков сверкнувших глаз.

У Перуна знойны страсти,
Но, достигнув своего,
Что любил он – рвет на части,
Тучу сжег – и нет его.

ПРОБУЖДЕНИЕ ПЕРУНА

При начале весны пробужденный Перун
Вылетает на пламени синем,
И под громы своих вулканических струн
Он несется по вышним пустыням.

Он безумно летит в урагане огней,
И хохочет, ликуя без меры,
Вылетая из склепа оконченных дней
Семимесячной зимней пещеры.

Перед ним Океан, и, его бороздя,
И громами овевя стремленье,
Ослепительный бог, в ожерельях дождя,
Самоцветные сеет каменя.

Разрываются стены сомкнувшихся гор,
Что зовутся меж смертными тучи,
И уносится он, возлюбивший простор,

Огневзорный, веселый, певучий.

Вот уж он обогнул весь размах высоты,
И пропал, утонул, как мечтанье, –
Только там, где он был, засветились цветы,
Да разбитое молнией зданье.

ГУСЛИ-САМОГУДЫ

Там, где гор сложились груды,
В крепость-дом Громовника,
Диво-гусли-самогуды
В замке спрятаны века.

Много сильных восходило
До скалистой высоты,
Но всегда слабела сила
Ровно-ровно у черты.

Много избранных хотело
Самогуды-гусли взять,
Ровно-ровно у предела
Стыла их живая рать.

Превращаясь в изваянья,
Их застывшие тела
Увеличивали зданье,
Дом, где музыка была.

Так узорно каменели
Ровно-ровно у черты.
И растут из камня ели,
В царстве гордой высоты.

Резким возгласом промчится
В свисте бури крик орла,
Стонут гусли, песня длится,
Сказка музыки светла.

Много тел сложилось в груды,
Грозен дом Громовника,
Входят души в самогуды,
Песня воздуха звонка.

ТРИГЛАВ

Триглав, царящий троекратно,
Над Небом, Бездной, и Землей,
Зачем глядишь ты так возвратно
Тройной козлиной головой?

Ужели в Небе те же мысли,
Что в Бездне бездн, и на Земле?
Везде ль желания повисли,
Как гроздь звезд в полночной мгле?

И светлоглазый взгляд хотенья
Ужели всюду повторен?
И то же ль в тлении горенье,
Что трижды в вечностях закон?

Везде ли те же есть узоры,
И те ж для всплесков берега?
И те же пламенные взоры,
И те же острые рога?

И тот же, трижды взятый с бою,
Чтоб снова жалить нас, удав?
Над троекратною судьбою
Неукоснительный Триглав!

БЕЛБОГ И ЧЕРНОБОГ

1

Белбог и Чернобог
Беседу-спор вели.
И гром возник, и вздох,
Вблизи, и там вдали.

В пучине звуковой,
И в царстве тишины,
В пустыне мировой,
Звучали две струны.

Меняясь без конца,
Вблизи, как и вдали,
Снотворца и Творца
Два действия дружно шли.

Снотворец возвещал,
Что сон – богатство душ,
Но день рождался ал,
Творец вился, как уж.

Творец вился, как змей,
Рождался изумруд,
От солнечных лучей
Везде цветы цветут.

Все видно, все светло,
Рукой все можно взять.
Меняется стекло,
Дрожит морская гладь.

Рубины на полях
Горят как свежий мак,
Но в страстных лепестках
Есть кровь и боль и мрак.

Но в огненных цветках
Таится тяжкий сон.
И в странных облаках
Вечерний небосклон.

Темнеет глубь морей,
Темней вверху сапфир,
В лесах, среди ветвей,
Иной мерцает мир.

Как хаос – мир лесной,
Уж поздно для лучей,
Уж Ворон тьмы ночной
Прокаркал час ночей.

И желтая Луна
Без блеска в небесах,
И бродят тени сна,
И бродит Сон и Страх.

И тонкая струна
Дрожит, нежней, чем вздох.
Но чья, но чья она,
Белбог и Чернобог?

2

Белбог с Чернобогом был в споре,
Кто в чарах красивых сильней.
Раскинулось темное Море,
Помчались потоки лучей.

И Солнце, во имя Белбога,
Пронзила огнем глубину,
И в высях ночного чертога
Зажгло золотую Луну.

Но хитростью Бога Ночного
Несчетности ярких лучей
Зажглись – как безмолвное слово
Во влажностях темных очей.

И ежели Небо красиво,
Ночной оно чарой зажглось,
Как блеск синего отлива,
На пышности черных волос.

Так спорили долго и много
Два Бога, и мир был смущен,
И День полюбил Чернобога,
И Сумрак в Белбога влюблен.

ЦАРЬ ОГНЕННЫЙ ЩИТ

Царь Огненный Щит, на коне восьминогом,
Над миром поставленный богом Белбогом,
С Востока на Запад проходит свой путь.
И конь его – белый, и конь его – смелый,
Едва только, в знойностях, мир онемелый
Коня приметит – и может вздохнуть.

Царь Огненный Щит выпивает все росы,
И сушит дороги, и жжет он откосы,
И влага восходит к нему из морей.
Но конь его, с каждою каплею влаги,
Все больше в себе ощущает отваги,
Растет восьминогой громадой своей.

Растет, подвигаясь по Небу с Востока,
Мгновеньями вспыхнет огромное око,
И огненный бросит над миром излом.
Растет, надвигаясь, и странно темнеет,
Меняется в цвете, густеет, чернеет,
И чу, под копытами рушился гром.

Царь Огненный Щит, вознесясь до зенита,
Замедлил, подумал, и глянул сердито,
Он поднял коня на дыбы, и глядит.
Вот дернул за повод, и грянули громы,
Для жаждущих – вниз сорвались водоемы,
И вдвое светлее Царь Огненный Щит.

ОБЛАЧНЫЕ ДЕВЫ

В тучах есть леса, есть пашни и посевы,
Стройные, растут, восходят терема,
У янтарных окон Облачные Девы
Ткут, прядут, в их тканях – свет, в их пряже – тьма.

Без конца прядут и ткут попеременно,
Любо Девам выткать самоцветный луг,
Море из опала, ширь, где влажность пенна,
Сеть серебристой грезы, золотистый круг.

Из воздушной влаги облачные горы,
Стебли из дождя, что вниз, не вверх растут.
Облачные Девы ткут всегда узоры,
Им в ответ Земля рождает изумруд.

ВЕЛЕС

Волос, Велес, бог пышных стад,
Бог изумрудностей в Апреле,
Прими – не грозовой раскат,
Текучесть льющих рулад
Моей пастушеской свирели.

Бог мирных дней, Велес, Волос,
Уж в наших долах отшумели
Игранья первых громких гроз,
И стебли светлые овес
Поит росой под звук свирели.

Бог нежных трав, Волос, Велес,
Ты кроткий друг забав при деле,
Ты пращур мой, ты дух чудес.
Ты дед Баяна. Чу, как лес
Поет под звук моей свирели.

Бог сочных трав, Велес, Волос,
Твои луга не оскудели,
Звенит и светит сенокос,
Чу, сколько песен понеслось
В ответ на зов моей свирели.

Бог тучных нив, Волос, Велес,
В честь бога – жатвы подоспели,
И меж снопами, в честь Небес,
Куст ржи завитый не исчез,
Закрут воскрес, под звук свирели.

Чу, колокольчики звенят,
Нежней, чем гомон птиц в Апреле,
Стада идут с возами в ряд,
Волос, Велес, бог пышных стад,
Год спет. Домой, под зов свирели.

КОЛОС ВЕЛЕСА

Закрученный колос, в честь бога Велеса,
Висит украшеньем в избе, над окном.
На небе осеннем густеет завеса,
И Ночь в двоечасье длиннее пред Днем.

В том суточном nocturno-денном двоевластье
На убыль пошли чарования Дня.
И в Небе Велес, в этом зримом ненастье,
Стада облаков умножает, гоня.

Но колос закручен. Кружение года
Уводит Велеса. Он в Небо ушел.
Он скрутит там тучи. Яснеет погода.
Вот, предки дохнули над мирностью сел.

Уж лед на реках не вполне достоверен,
Снега покрываются настом в ночах.
Ход Ночи и Дня в полноте равномерен,
Вновь сдвинут, – у Дня больше света в очах.

Тот свет отразится в подснежнике скоро,
Закрученный колос раскрутится вновь.
Бог нового хочет земного урожая,
На выгон, к Велесу, земная любовь!

ПРАЗДНИК ЗЕЛЕННОЙ НЕДЕЛИ

Летницы, праздник Зеленой Недели.
Идите, идите, стада,
В простор изумруда, под звуки свирели,
Такими веселыми будьте всегда.
Мы хлебом и медом стада угощаем,
Венчаем нарядными лентами их,
Цветами, что грезят Апрелем и Маем,
Зелеными ветками их украшаем,
Велесу свирельный слагаем мы стих.
Ливни веселые в Небе созрели,
Стебли дождя от Небес до Земли.

Тучам – раскатности, нам же – свирели,
Нежное – близко, и грозность – вдали.
Травы, цветите, поют вам свирели,
Медом вам будет живая вода.
На выгон, на праздник Зеленой Недели,
Идите, идите, стада.

ПРАЗДНИК ЛАДЫ

Как различны мельканья красы
В вековом, нам шумящем, буруне!
У Литовцев был Праздник Росы,
В изумрудном Июне.

У Поляков, у светлых Славян,
Так понявших красоту измены,
Крик кукушки мечтой был слиян
С чарой вешней Живены.

Праздник Лады есть праздник любви,
А в Апреле веснянки поются,
Все, что хочешь, мечтой назови,
Отголоски найдутся.

Праздник первых в лесу лепестков,
Праздник мартовский смерти Мораны,
Праздник выпавших за ночь снегов,
Разны мысли и страны.

Есть и праздник танцующих ног,
Есть и праздник влюбленного взгляда.
Как мелькает он, твой башмачок,
Как смеется нам Лада!

ПРАЗДНИК ВЕСНЫ

Зима отъехала от нас,
Телега скрылась вдалеке.
Весна подходит. В добрый час.
Весна всегда ласкает нас.
И Лето едет в челноке.
Прощайте, снежности Зимы,
Бурлит и пенится разлив.
Из теста жаворонков мы
Печем, им клюв позолотив,
И крылья золотом покрыв.

Чтоб клюв по-солнечному был,
И к нам Весну поторопил,
Сусальным золотом крыло
Скорей Весну сюда влекло.
Еще мы круглый хлеб печем,
С хлеб-солью выйдем пред Теплом.
И стелем новый холст в полях,
Кладем пирог на тех холстах.
И обратившись на Восток,
Поем обрядовый намек: –
«Весна красна, Весна красна,
Приди к нам поскорей!
Гори, Любовь, приди, Весна,
К нам с милостью своей!
Будь Ладой к снам, усладой нам,
Побольше дай цветов!»
Весна идет, и нам поет:
«Уж луг цвести готов!»
«Весна красна, Весна красна,
Березка нам нужна!»
Весна идет, и нам поет:
«Уж липкий сок течет!»
«Весна красна, Весна красна.
Красивы глазки льна!»
«Я дам вам лен и коноплю».
Весна поет: «Люблю!»

МОРСКОЕ ЧУДО

Отправился Витязь к безвестностям стран,
По синему Морю, чрез влажный туман.
Плывет, развернулась пред ним бирюза,
Морская Пучина – кругом вся Глаза.

То Чудо струило дрожанье лучей,
И все состояло из уст и очей.
Глубинная бездна окружно зажглась,
Глядела несчетностью пляшущих глаз.

Глядела на Витязя зыбко-светло,
В руке у него задрожало весло.
Шептала устами, как Вечность, ему.
«Уж ехать ли?» Витязь подумал. «К чему?»

У Чуда Морского, куда ни взгляни,
Все очи, все очи, во взорах огни.
У Чуда Морского, в дрожании струй,
Все губы, все губы, везде поцелуй.

И Витязю стало так странно-светло,
И влага, скользнувши, умчала весло.
И дрогнули очи, и влажности губ
Так долго ласкали безжизненный труп.

МОРСКАЯ ПАНИ

Царевич Горошек, с глазами лукавыми,
Подпоясанный тонкими светлыми травами,
Мал, но силен, не спустит врагу.
Если хочет греметь, так уж верно прославится,
А когда он задумает чем позабавиться,
Сам себе говорит: Все могу.
Звездокудрый – Горошек, и знает он чары,
Вот однажды принес он цветные товары,
Разложил на морском берегу.
Много всякого: книжка Цветные Странички,
Из жемчужины рыбки, из золота птички,
И зеленые в том же числе черевички,
Все горит и играет огнем,
Засветилось в морском пеннотканом тумане,
Башмачками Морская прельстилася Пани,
Изловил ее, спрятал в свой дом.

Он в угоду красавицы бездны глубинной
Создал между утесов дворец паутинный,
И достал ей из Моря, со дна,
Все, чем бездна морская сильна: –
Жемчуга, драгоценные камни, кораллы,
И гирлянду морских расцветающих звезд,
И в блистающий полог он сплел ей кристаллы,
И от Моря к дворцу светлый выткал ей мост.
И пригнал, чтоб скакать, жеребца ей морского,
И двенадцать пригнал ей морских кобылиц.
Но не молвила Пани Морская ни слова,
В черевички обулась, потупилась ниц.
И бледнеет, и чахнет в томленьи бессонном,
И как Пани Морская – так Солнце вдали,
Раньше было оно на лазури червонным,
Побледнело, грустит, все цветы отцвели.
И Царевич пошел в тридесятое царство,
Он тревожные смело предпринял мытарства,
Чтобы только узнать, отчего
Было раньше все живо, а стало мертво.

Вот Царевич Горошек идет, и тоскует,
В тридесятом он царстве, где Солнце ночует,
Прямо к дому, – там солнцева Мать,
Посмотрела сперва на Горошка сердито,

«Спрячься», шепчет, «вот здесь, в золотое корыто,
Солнце будет, так я постараюсь узнать».
Вот и Солнце пришло по путям небосклонным.
«Что ты, дитяtko? Прежде ты было червонным,
А теперь все бледнеешь, бледней, чем Луна,
Когда в четверти первой она».
И ответило Солнце: «Когда-то в тумане
Я встречало Морскую красивую Пани,
Посмотрю – покраснею сейчас,
Потому что красива бледнянка Морская,
И красива одежда на ней голубая,
И красив изумруд ее глаз.
Уж не вижу я Пани». Тут Солнце вздохнуло,
Закатилось, и в спальне предкрайной заснуло.
А Царевич Горошек домой,
И рассыпался громом, и выпустил Пани, –
И под утро, червонное, в алом тумане.
Солнце встало над бездной морской!

МАРИЯ МОРЕВНА

Мария Моревна, Мария Моревна,
Прекрасная ты королева!
Дочь Моря ли ты? Ты богиня ли Лада?
Мария Моревна, услада!

Глаза твои светлы, глаза твои чудны,
Одежды твои изумрудны.
Зовут Ненаглядной тебя Красотою,
С косою твоей золотою.

Бессмертный Кощей на тебя покусился,
Похитил, с царевною скрылся.
Но Ветер и Град с дождебрызжущим громом
Упали над дьявольским домом.

Марии Моревне Кощей ли желанен?
Он змейно-уродливо-странен.
И Ворон, и Сокол, с Орлом, все на Змея.
Царевну спасли от Кощея.

Чу, Буря хохочет, чу, Гром как грохочет,
Весь мир без тебя быть не хочет.
Уж очень мы были бы темно-плачевны
Без нашей Марии Моревны.

Мария Моревна, Мария Моревна,
Прекрасная ты королева!
Ты мир золотишь светоносносью взгляда,

Мария Моревна, услада!

БОГ ПОГОДА

Бог Погода, юный, малый,
В васильковом он венке,
У него румянец алый,
Перстень синий на руке.

Перстень синий, с бирюзой,
Крылья тонки мотылька,
Нежен цвет, перед грозой,
Василькового венка.

Голубой и серебристый
Развевается покров,
Весь он легкий, весь сквозистый,
Бог цветов и мотыльков.

Бог приятного покоя,
Шелестенья светлых трав,
Сладких отдыхов от зноя,
Прохладительных забав.

Есть иные, что серьезны,
Хмурят очи, жгут огнем,
Боги люты, боги грозны,
Те, что любят кров и гром.

Бог Погода жертв не хочет,
В храмах душно, мчится в лес,
Вон, с касаткой он хохочет,
С быстрой ласточкой исчез.

Богу юному, Погоде,
Все и дело что летать,
Промелькнуть на небосводе,
И земным с земными стать.

БЕРЕГИНЯ

Есть красивые старинные слова,
Их душа через столетия жива.
У Славян в почтенье были берегини,
Это водные прибрежные богини.

Цвет морей и цвет затонов нежно-синь,
Взор глубок у синеглазых берегинь.
Голос их – как зов-напев волны прибрежной,
Завлекательный, ласкательный, и нежный.

Лебедь Белая, ведунья старых дней,
Берегинею была среди людей.
Витязь был, Поток Могучий, ею скован,
Белой Лебедью прибрежной зачарован.

Он в гробнице очутился – и с конем,
Змей пришел, палил и жег его огнем.
Змей не сжег его, он жил бы и доньне,
Да не так хотелось Белой Берегине.

Лебедь Белая любила быть одна
И глядеть, как голубеет глубина.
Люб ей был и день и два Поток Красивый,
«Будет», молвила с улыбкой горделивой.

И взмахнув крылами белыми над ним,
Обернула камнем витязя немым.
Спит Поток, застыл виденьем белоснежным,
Над затоном, над мерцаньем вод прибрежным.

В невеликом отдаленье от него
Лебедь Белая, и все кругом мертво.
Но не мертвенно-мертво, а в смерти живо: –
Веще спит она, и в сне навек красива.

БОГ ПОСВИСТ

Посвист, Посвист, с кем несешься,
Споришь, сердисься, шумишь?
Над осокою трясешься,
Над иссохшей, чахлой вьешься,
Шорох льешь в лесную тишь.

Сук зацепишь, сук застонет,
Можжевательник шелестит.
Хлыст незримый листья гонит.
Сумрак сосен свист хоронит.
Свист бессмертен. Чу, свистит.

В осень, в зиму, с снегом сивым,
С снегом чистым вступит в спор.
Летом, змей, грозится нивам:
Колос, колос, будь спесивым, –
Серп придет, и смят узор.

Расшаталась застреха,
Шепчет ветер, бьет, свистит.
Там, в овраге, стонет эхо,
Ближе, дальше, звуки смеха,
Посвист, Посвист шелестит.

ВОДЯНОЙ

Если ночью над рекою
Ты проходишь под Луной,
Если, темный, над рекою
Ты захвачен мглой ночной,
Не советуйся с тоскою,
Силен страшный Водяной.

Он душистые растенья
Взрастил на берегах,
Он вложил в свои растенья
Власть внушать пред жизнью страх,
Цепко сеять опьяненье
В затуманенных мечтах.

Сам сидит весь голый в тине,
В шапке, свитой из стеблей,
В скользком иле, в вязкой тине,
Манит странностью своей,
Но замкни свой слух кручине,
Тайный он советчик ей.

С изумленьем ты заметишь,
Что скользят твои шаги,
Если это ты заметишь,
Сам себе ты помоги,
В топах помощи не встретишь,
Здесь цветы и те враги.

Прочь скорей от Водяного,
Он удавит здесь в тиши,
Не смотри на Водяного,
И цветами не дыши,
Если с ним промолвишь слово,
Быстро вступишь в камыши.

И захваченный рекою,
И испорчен мглой ночной,
Той болотистой рекою,
Под ущербною Луной,
Ты поймешь с иной тоскою,

Как захватист Водяной.

БОЛОТНЯНИК

Страх детей и старых нянек,
Ведьмам кажуший язык,
Дух смешливый, болотняник,
А иначе водовик.

Если он кого встречает,
Он как кочка предстает,
Схватит за ногу, качает,
Чуть замедлишь, кончен счет.

Он лягушку не утопит,
Любит кваканье трясин,
Но под землю поторопит
Тех, чье имя – Божий сын.

Так тихонько, так без злобы
Заберет и засосет: –
Все – из матерней утробы,
Каждый в Землю-мать пойдет.

Что же медлить? Поскорее: –
Меньше путь – короче грех.
Встала кочка, зеленея,
Чу, под кочкой сжатый смех.

Чу, под кочкой чьи-то стоны,
Стерся в топи чей-то лик.
Болотняник, весь зеленый,
Утешает: Есть двойник!

ДОМОВОЙ

Неуловимым виденьем, неотрицаемым взором,
Он таится на плоскости стен,
Ночью в хозяйских строениях бродит дозором,
Тайночью веет, и волю свеваает,
Умы забирает
В домовитый свой плен,
Сердцу внушает, что дома уютно,
Что вот эти часы так приятно стучат,
Что вне дома быть дурно, и прямо беспутно,
Что отраден очаг, хоть и связан с ним чад.

Расцветает на старых обоях узоры,
Еле слышно на них пошептав.
За окном – там болота, там темные горы,
Не ходи. И колдуют бесстрастные взоры,
Так прозрачно глядят, как на птицу удав.
Задержал уходящего. Томно так стало.
Что отсюда идти? Всюду то же, одно.
Да и с вешалки шапка куда-то упала.
И в сенях так темно. И враждебностью смотрит окно.
Посиди на печи. Полежи. Или в сердце все порох?
Спи. Усни. Дышит жарко. Мерцает. И хочется спать.
В мире брошены мы. Кто-то спит.
Что-то есть. Чу, шуршит.
Наползающий шорох.
И невидимый кто-то к кому-то, кто зрим, подобрался, налег на кровать.
Между стен развивается дымное зрелище духа.
Что-то давит, – как будто мертвец, на минуту живой,
Ухватился за горло живого, и шепчет так глухо
О тяготах земных. Отойди, отойди, Домовой!

СОЛНЦЕ, ВЕТЕР И МОРОЗ

Вот и мне узнать пришлось
Солнце, Ветер, и Мороз.

Шел дорогой я один,
Вижу: Солнце, Божий сын.

Вижу: Ветер, Божий брат,
И Мороз, идущий в Ад.

На дороге на одной
Трое все передо мной.

В пояс кланяюсь я им,
Трем могучим мировым.

Всем им поровну поклон,
Ветру вдвое, люб мне он.

Солнце в гневе на меня: –
«Ну, узнаешь власть огня.

Не захочешь и врагу.
Я сожгу тебя, я жгу».

Ветер молвил: – «Ничего.
Солнце жжет, смирим его.

В свежем духе жизнь моя.
Вею, вею, вею я».

«Солнце что!» сказал Мороз,
В белизне своих волос.

«Солнце слабо, силен лед.
Пострашней со мною счет».

Ветер молвил: «Ничего.
Жесток лед, смягчим его.

В вешнем духе жизнь моя.
Вею, вею, вею я».

Ветер Солнце укротил,
Пламень – только осветил.

Озарил, не сжег меня
Ток блестящего огня.

В Ветре кротким стал Мороз,
Маем быть ему пришлось.

Поворчал он, был он зол,
И как яблоня расцвел.

Ветер, Ветер, ты ведун,
С юным стар ты, с старым юн.

Колдовская – власть твоя,
Вещь ты – и светел я.

Ветер, Ветер, весь я твой,
Вешний я теперь с тобой.

Распознать мне довелось
Солнце, Ветер, и Мороз.

СКАЗКА РЕК

Говорит нам старина,
Раньше, в радостях игры,
Днепр, Волга, и Двина
Были брат и две сестры.

Беден был отец у них,
Чуть родив, скончалась мать,
Дом был пуст, и дом был тих,

Вот, отправились гулять.

Побродила их мечта,
Походила далеко,
Все хотят найти места,
Чтоб разлился широко.

Как-то раз среди болот
Ночевать они легли,
Брат уснул, во сне поет,
Сестры встали, потекли.

Сестры были похитрей,
И как длилась темнота,
Взяли в хитрости своей
Все оглогие места.

Брат проснулся поутру,
Серебрится ранний свет,
Кликнул старшую сестру,
Кликнул младшую, их нет.

Рассердился, дрогнул брат,
Шумный ток – как бег врага,
Струи ленные кипят,
Рвут крутые берега.

В буераки мечут гул
Силой гневностей своих,
Вот и Море, он вздохнул,
Он ровней пошел, утих.

В это время две сестры
Разбежались от него,
Были вместе до поры,
Будет розно торжество.

Оттого-то у Днепра
Рукавов, порогов рой,
И быстра его игра
Перед Волгой и Двиной!

ВЕСЕЛАЯ ЗАТВОРНИЦА

Чья в бурях перебранка?
Чей шепот? Зов листа?
Веселая Веснянка
Зимою заперта.

За тридевятым царством.
Ты ждешь ее лица?
Пойди, твоим мытарствам
Не будет и конца.

Издогнешь по дороге,
Измерзнешь ты, и все ж
Ты в зимние чертоги
К Веснянке не придешь.

Она играет в прятки,
Замкнута, сломан ключ.
И только раз ей в Святки
Дают на праздник луч.

Дают ей чудо-санки,
И в замке, на дворе,
Позволено Веснянке
Согреть снега в игре.

Но что же, в самом деле,
Потерпим мы часок.
Ты слышишь вой метели?
В нем чей-то смех и скок.

В нем чьи-то прибаутки.
Мороз грозит: «Навек!»
Ну, нет, брат, это шутки,
Придут разливы рек.

Веснянка ожидает.
Мы тоже. Знаем лед.
Смотри в окно: Уж тает.
Веснянка к нам идет!

ЛЕС

1

Пробуждается с весною,
Переливную волною
Зеленеет на ветвях.
Отзовется гулким эхом,
Криком, гиканьем, и смехом
Для потехи будит страх.

Кружит, манит, и заводит,
В разных обликах проходит,
С каждым разное всегда.

Малой травкой – на опушке,
В старом боре – до верхушки,
Вона, вон где борода.

Лапти вывернул, и правый
Вместо левого, лукавый,
Усмехаясь, натянул.
То же сделал и с другою,
В лапоть скрытую, ногою,
И пошел по лесу гул.

То же сделал и с кафтаном,
И со смехом, словно пьяным,
Застегнул наоборот.
В разнополость нарядился,
В человеческий лик вместился,
Как мужик идет, поет.

Лишь спроси его дорогу,
Уж помолишься ты Богу,
Уж походишь по лесам.
Тот же путь сто раз измеришь,
Твердо в Лешего поверишь,
Будешь верить старикам.

2

Гулко в зеленом лесу откликается,
В чащах темнеет, покуда смеркается,
Смотрит в сплетенных кустах.
Прячется, кажется, смутным видением
Где-то там, с шепотом, с хохотом, с пением,
С шорохом быстрым возникнет в листьях.
Лапчатой елью от взора укроется,
Встанет, и в росте внезапно удвоится,
Вспрыгнет, и с треском обломится сук.
Вырос, с вершиной, шурша, обнимается,
Сразу на многих деревьях качается,
Тянется тысячью рук.
Вот отовсюду качанья и ропоты,
Тени, мигания, шорохи, шепоты,
Кто-то, кто долго был мертвым, воскрес.
Что-то, что было в беззвучном, в неясности,
Стало грозящим в своей многогласности, –
Лес!

3

Смотрит из тихих озер,
Манит в безгласную глубь,

Ветви сплетает в узор.

– Лес, приголубь!

Тянет войти в изумруд,

С пыльного манит пути,

В глушь, где деревья цветут.

– Лес, защити!

Шепчет несчетной листвою,

Морем зеленых пустынь.

– Лес, я такой же лесной,

Лес, не покинь!

ЛЕСНЫЕ ЦАРЬКИ

Кто, в проворстве твердый, мог

Собственной рукою,

Отойдя от всех дорог

Быстро взять, в заветный срок,

Звездный папорот-цветок,

Над глухой рекою, –

Перед тем, в глуши лесной,

Многое возникнет,

По-другому глубиной

Глянет весь простор речной,

Для него и зверь лесной

По-иному крикнет.

Тот, кто взять умел в свой срок

Звездный папорот-цветок,

На лесной дорожке,

На одной из тропок тех,

Где лесной змеится смех,

Где цветут цветы утех,

На лесной дорожке,

Заприметит огоньки,

Что мелькают вдоль реки,

Это светятся царьки

Золотые рожки.

Прямо он туда пойдет,

Где царьки лесные,

Вот, в подземный длинный ход

Царь царьков его ведет,

Вот, вошли в какой-то свод,

Стены расписные.

Ярче утренней зари,

И вечерней краше,

Что захочешь, все бери,

Но другим не говори,
Где резные чаши,
Где таятся янтари,
Где огни не наши.

Кто захочет, веря в стих,
Самоцветностей таких,
Пусть он зря не просит,
А сперва путей земных
Пусть он скуку бросит.
И походит вдоль реки,
Там где звездные цветки,
Близ лесной дорожки,
Что значеньем глубоки,
И придут к нему царьки
Золотые рожки.

ДИВЬИ ЖЕНЫ

Дивьи жены внушают нам страх.
Почему?
Вспоминаем ли саван при виде их белых рубах?
Пробуждает ли белый тот цвет в нашем сердце безвестную тьму?
Или людям встречать неуютно
В тенистых лесах
Не людей?
Человек с человеком, как с птицею птица, мелькают попутно,
Все удобно, знакомо, хоть встретить я разбойника между ветвей,
Знаю, как поступить:
Я слабей – быть убитым, сильнее – убить,
Или что-нибудь, как-нибудь, ну, уж я знаю, как быть.
Тут принять нам возможно решение.
А вот как поступить, если встретишь ты дивью жену?
Чуть помотришь на белое это виденье,
Вдруг тебя, непредвиденно, клонит ко сну,
И впадаешь в забвенье.
Ты заснул. Просыпаешься – лес уж другой.
На могилах неведомых ветлы верхушками машут,
Словно старой седою иссохшей рукой, –
Убеги, мол, скорей, убеги, убеги. Но видения белые пляшут.
И лучиной зажженной светят они,
И приходят, уходят, и бродят огни.
Убежать невозможно.
Дивьи жены сковали, хотя и не клали цепей.
Сердце бьется тревожно.
Разорвется, пожалуй. Беги, убеги поскорей.
Убежать невозможно.
Превратишься в березу, в траву, в можжевельник, в сосну.
Если вовремя ты заговор против них не вспомнешь,

Так в лесу, меж лесными, в лесной западне и застрянешь.
Не смотри, проходя меж деревьев, на дивью жену!

ПОЛУДНИЦЫ

Три полудницы-девицы
У лесной сошлись криницы,
Час полдневный в этот миг
Прозвенел им в ветках, в шутку,
И последнюю минутку
Уронил в лесной родник.

И одна из тех причудниц,
Светлокудых дев-полудниц
Говорит меж двух сестер:
«Вот уж утро миновало,
А проказили мы мало.
Я с утра крутила сор,
Прах свивала по дорогам,
На утесе круторогом
Отдохнула – и опять,
Все крутила, все крутила,
Утомилась к полдню сила,
После полдня что начать?»

И ответила другая:
«Я с утра ушла в поля,
Жили там серпы, сверкая,
Желтый колос шевеля,
Спелый колос подсекая.
Посмотрела я кругом,
На меже лежит ребенок,
Свит в какой-то тесный ком,
Сжат он в саван из пеленок.
Я догадлива была,
Я пеленки сорвала,
Крик раздался, был он звонок,
Но душа была светла,
Я ребенка унесла,
И по воздуху носила.
Утомилась к полдню сила,
А ребенок стал лесным, –
Что теперь мне делать с ним?»

И последняя сказала:
«Что ж, начните то ж сначала, –
Ты крути дорожный прах,
Ты, ребенка взяв от нивы,
Закрути его в извивы,

И качай в глухих лесах». «Ну, а ты что?» – «Я глядела, Как в воде заря блестела, Вдруг слышались шаги, Я скорее в глубь криницы: Для полудницы-девицы Люди – скучные враги. Я в кринице колдовала, Я рождала зыбь опала, Я глядела вверх со дна, И глядели чьи-то очи, Путь меж нас был все короче, Чаровала глубина, Чаровала, колдовала, И душа позабывала О намеченном пути, Кто-то верхний позабылся, Здесь, в глубинах очутился, Я давай цветы плести, Горло нежное сдавила, Утомилась к полдню сила, Вверх дорогу не найти. Я же здесь».

И три девицы,
У лесной глухой криницы,
Смотрят, смотрят, зыбок взор.
Ждут, и вот прошла минутка,
Вновь звенит мгновений шутка,
Вне предельностей рассудка: –
«Сестры! Дальше! На простор!»

ЛЕСУНКИ

Кто играет на опушке?
Чей там звонкий слышен сон?
Тонкий, тонкий, как в игрушке,
Говорит хрустальный звон.

Чьи там маленькие струнки
Преисполнены чудес?
Это нежные лесунки
Веселят полдневный лес.

Вон, в одежде паутинной,
Вместе две, и порознь три,
Волос светлый, волос длинный,
И в венках они, смотри.

Вон, еще, семья другая,
Порознь три, и вместе две,
Пляшут, в зелени мелькая.
Нет следов от них в траве.

Бриллиант роняют в дрему.
В белый ландыш, в василек,
Освежают их истому,
Расцветают лепесток.

Вольных бабочек венчают
В беззаконной их любви,
Стебли тонкие качают,
Говорят всему: Живи.

И лесные щебетуны
Им поют свой птичий стих,
Эти малые колдуньи
Сестры им в забавах их.

В гусях сказочные струнки
Теребит зеленый жук,
Пляшут стройные лесунки,
Долго длится тонкий звук.

ВОДНАЯ ПАННА

Что это, голубь воркует?
Ключ ли журчит неустанно?
Нет, это плачет, тоскует
Водная панна.

Что на лугу там белеет,
Светится лунно и странно?
Это туманы лелеет
Водная панна.

Что это в мельницу бьется,
Жернов крутит перевозданно?
Это хохочет, смеется
Водная панна.

Плакала, больше не хочет
Плакать так струнно-обманно,
В мельничных брызгах хохочет
Водная панна.

Кто-то ходил на откосах,
С ним она вьется слиянно.

Нежится в мельничных росах
Водная панна.

Возле крутого обрыва
Тайна царит невозбранно.
О, как бледна и красива
Водная панна!

ОГНЕННЫЙ ДУХ

Кто вдаль идет пред нами?
Черный весь, он светит ало.
Дух с двенадцатью глазами,
Дух, зовущийся Ховала.

Он еще зовется Вием,
Он еще зовется Тучей,
Он ползет по Небу змием,
Он роняет след горячий.

Растянувшись от Востока,
В дымный Запад он упрется,
И широко, и далеко
Он грозит, он смеется.

Искривленно он хохочет,
Кровли хижин зажигаю.
И грохочет, и не хочет
Сгинуть в смерти сила злая.

Вот, прошло. Змея убита.
Но над нами Небесами
Вечно скрыт, и дышит скрыто
Дух с двенадцатью глазами.

РАЙСКИЕ ПТИЦЫ

На Макарийских островах,
Куда не смотрят наши страны,
Куда не входят Смерть и Страх,
И не доходят великаны, –

На Макарийских островах
Живут без горя человеки,
Там в изумрудных берегах
Текут пурпуровые реки.

Там камни ценные цветут,
Там все в цветенье вечно-юном,
Там птицы райские живут,
Волшебный Сирин с Гамаюном.

И если слышим мы во сне
Напев, который многолирен,
В тот час, в блаженной той стране,
Поет о счастье светлый Сирин.

И если звоном нежных струн
Ты убаюкан, засыпая,
Так это птица Гамаюн
Поет в неизвестном, голубая.

ПТИЦЫ ЧЕРНОБОГА

Ворон, Филин, и Сова,
Слуги Чернобога,
Ваша слава век жива,
С вами вещие слова,
Тайная дорога.

Тот, кто Ворона видал,
Знает силу мрака,
Ворон к Одину летал,
В вечный он глядел кристалл,
Принял тайну знака.

Тот, кто с Филином побыл,
Знает тайну гроба,
Филин – вещий страх могил,
Знает, сколько скрыла сил
Тайная утроба.

Кто беседовал с Совой,
Знает силу Ночи,
Знает, как в реке живой
Ворон и дуб,
К полосе береговой
Сделать путь короче.

Ворон, Филин, и Сова
Птицы Чернобога,
Но у темных мысль жива,
В их зрачках горят слова,
О, горит их много.

ВОРОН

Ворон с клювом железным,
Ворон, пьющий горячую кровь, и клюющий остывший труп,
Ворон, знающий речь человека,
И доньше, от века,
Не забывший, как судьбы разведать по рунам надзвездным,
Ворон, вещая птица Славян,
Вестник Одина, зрящий, как в мире
Расстилается сумрак ночной, каждый день простирается шире,
Говоришь ли ты карканьем нам о гибели солнечных стран?
Ворон, дом твой есть дуб,
Вековой,
Что в раскатах громов,
Возрожденно-живой,
Зеленеет,
И хоть карканьем ты возвещаешь, что в сумерки светлых Богов,
Между пепельно-дымных, зажженных пожарами дней, облаков,
Волк явиться посмеет
И оскалит па Светлых прожорливый зуб, –
Ворон, Ворон, твой дуб,
Говорит, что за сумраком новое Солнце восходит,
И под карканье рун вся дубрава живет,
И уж новые зори наш Бальдер, наш Бальдер выводит,
Мы с Воскресшим воскресли, и пляшем, сплетясь в хоровод.

СОВА

Сова, кто смотрел в твое круглое желтое око,
Тот знает великую тайну чудес.
Не царила ли ты в Небесах? В их провалах немых, там, высоко,
В бездонностях синих доньше твой знак не исчез.
Кто в полночь читал под ущербной Луною
Пожелтевшую летопись дней,
Тот меня понимает без слов, и сейчас он со мною,
Над одной мы строкою,
В песне моей,
В струне мы одной, что во славу Вселенной бряцает.

О, мудрая птица, чей взор темногу пронигает,
В ночи, где дневные не видят ни зги,
Ты сидела на страшной избушке Яги,
Ты глядела в глаза благородной Афины,
Ты была за плечами у всех колдунов,
Ты крылом прорезаешь ночные Долины,
Навевая виденья вещательных снов

На ведовские стебли полночных цветов,
От которых приняв дуновение, мрак
Нашим снам сообщает твой знак, –
Я знаю, когда-нибудь в безднах, далеко,
Погаснет Светило кружащихся дней,
Но в новых ночах перевозданных, в смешении тьмы и огней,
Пред творчеством новым зажжется, сквозь Хаос, безмерное желтое око.

ПТИЦА СИРИН

Птица Сири́н на Море живет,
На утесе цветном,
На скалистом уступе, над вечной изменностью вод,
Начинающих с шепота волю свою, и ее возносящих как гром.
Птица Сири́н на Море живет,
Над глубокой водой,
Птица Сири́н так сладко поет,
Чуть завидит корабль, зачарует мечтой золотой,
На плывущих наводит забвенье и сон,
Распинает корабль на подводных камнях,
Утопают пловцы в расцвеченных волнах,
Услаждается музыкой весь небосклон,
Звуки смеха со всех возрастают сторон.
Беспощадна Любовь с Красотой,
Кто-то властный о Жизни и Смерти поет,
Над пустыней седой кто-то есть молодой,
Кто струну озарит – и порвет.
Птица Сири́н на Море живет,
Над глубокой водой.

ПТИЦА СТРАТИМ

Есть много птиц, красивых, сильных,
Проворных, злых, любвеобильных,
Не умеряющих свой пыл,
Цветистых в ярком оперенье,
Прекрасных в беге, в лете, в пенье,
В двойном размахе вольных крыл.

Есть много птиц, и плещет слава
Орла, и финикса, ксалава,
Молва о них – как светлый дым,
И древен ворон в снах богатых,
Но всех прекрасней меж крылатых
Всемирно-грезящий Стратим.

Он неземной, он вечно в Море,
От края к краю, на просторе,
Простер он в мире два крыла,
И чуть он в полночь встрепенется,
Весь Океан восколыхнется,
Познав, что вновь Заря светла.

НА КАМНЕ СОЛНЦЕВОМ

На Камне солнцевом сидит Заря-Девица,
Она – улыбчивая птица,
В сиянье розовом широко-длинных крыл,
На Камне солнцевом, он – амулет всех сил.
Светло-раскидисты сияющие крылья,
Пушинки, перушки до Моря достают,
Все Небо – ток огня, все облака поют
От их цветного изобилья,
От них румянится и нищенский приют.
Улыбчивым лицом будя людские лица,
Сияньем розовым развеселив весь мир,
На Камне солнцевом побыв, Заря-Девица
Уходит за моря – к другим – и тот же пир.

СВЕТОВИТ

Мне снится древняя Аркона,
Славянский храм,
Пылают дали небосклона,
Есть час громам.

Я вижу призрак Световита,
Меж облаков,
Кругом него святая свита
Родных Богов.

Он на коне, и слишком знает
Восторг погонь,
О, вихри молний нагоняет
Тот белый конь.

Он бросил алую Аркону,
Туман завес,
И льнет к нетронутому лону,
К степям Небес.

Он позабыл священность красных

Заклятых стен,
Для свежей радости неясных
Измен, измен.

И рог с вином им брошен в храме
И брошен лук,
И с ним несется небесами
Громовый звук.

Славянский мир объят пожаром,
Душа горит.
К каким ты нас уводишь чарам,
Бог Световит?

Печатается по: Бальмонт К. Д. Собрание сочинений в 7 тт. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. Т. 2.

Сформатировано на <http://rusilverage.blogspot.com/>